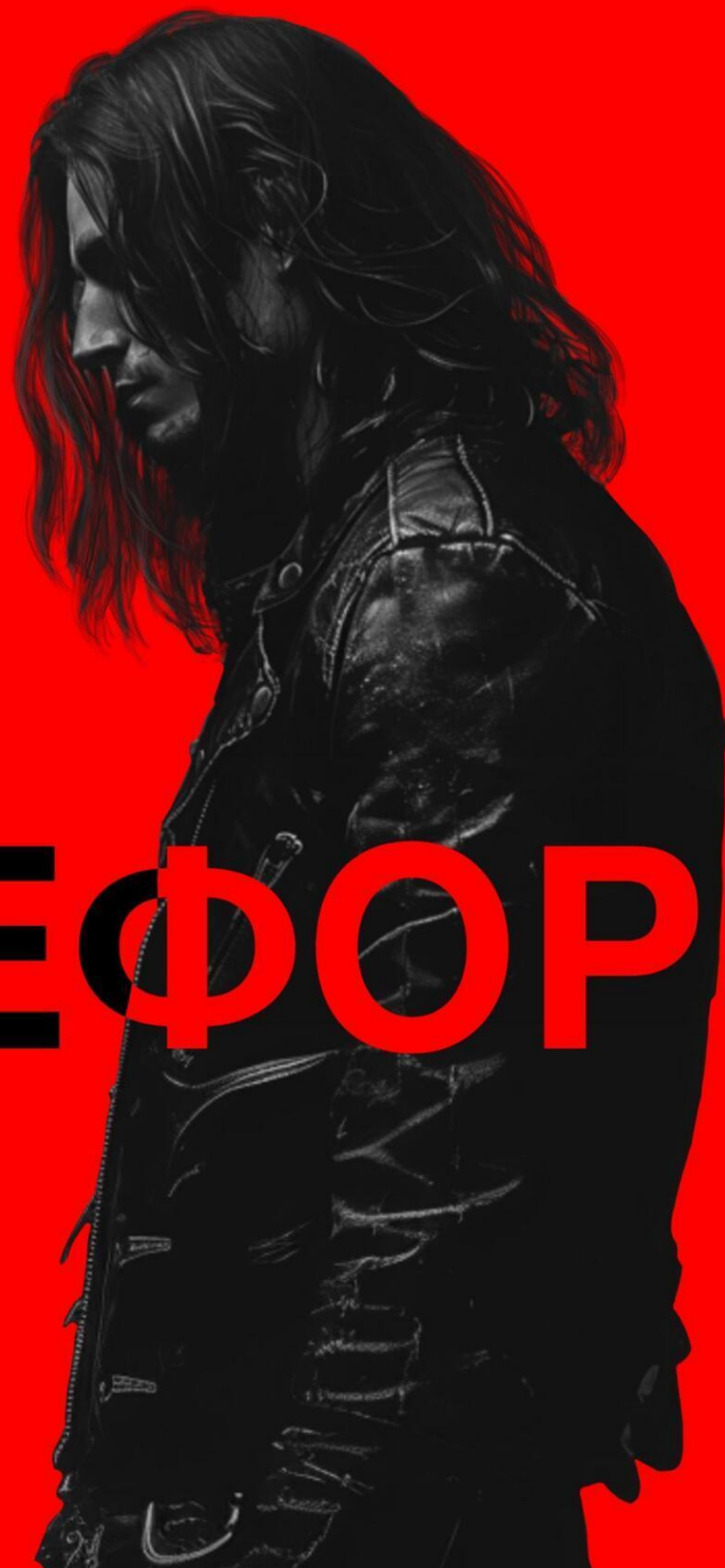

**ГЕКТОР
ШУЛЬЦ**

НЕФОРЫ

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Красная обложка

Гектор Шульц

Нефору

«Автор»

2022

Шульц Г.

Нефоры / Г. Шульц — «Автор», 2022 — (Красная обложка)

Начало нулевых глазами неформала. Грязь вписок, погасшие от наркотиков души, секс, драки, алкоголь. Любовь, дружба и метал. Нулевые, какими их видел Мишка Дьяконов и его друзья. Обычные нефоры из обычного городка.

© Шульц Г., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Copyright	5
Глава первая. Братство Окурка.	6
Глава вторая. Не такие, как все.	20
Глава третья. Лялька и «Каннибалы».	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Гектор Шульц Нефоры

Copyright

© Гектор Шульц, 2022.

Все права защищены законом.

Автор не дает разрешение на воспроизведение и копирование этой книги в любой форме и любыми средствами (электронными и механическими, включая фотокопирование, магнитную запись или иные средства копирования и сохранения информации) для целей, связанных с извлечением прибыли.

В случае цитирования отдельных фрагментов или всего текста обязательно указывается авторство и проставляются все необходимые обозначения.

Все совпадения случайны. Главная цель истории – найти добро в своей душе.

Глава первая. Братство Окурка.

«Не вышел ебалом, стал неформалом». Эту фразочку Солёного я буду помнить, кажется, всю жизнь.

Как нас только не называли: говнари, патлатые, волосатые, гривастые, чумные, хайрас-тые. Но мы всегда были нефорами: молодыми бунтарями, которые котировали металл и смотрели на остальных, как на говно. Конечно, нефор нефору рознь. Я часто видел других нефоров, бздливых и напуганных. Они толпой шугались одного пьяного гопника, а получив пизды, плакались друг дружке. Мы были другими, потому что родились и почти всю юность провели на Окурке – районе, куда и днем-то не каждый решался зайти.

Окурок – знаковое место нашего города. Есть еще Речка, но там поспокойнее – алкаши и «химики» со своими вырожденками, а пизды получить можно только ночью и изредка днем. Окурок – это филиал Ада, как его называли местные, которые ни чужих, ни своих не щадили.

Рязанский проезд, главная улица Окурка, выделялась вечно грязным и заплеванным парком. Справа от проспекта шли серые «хрущевки», под окнами которых можно было найти не только непременные бычки и пустые бутылки, но и шприцы, пакеты с засохшим клеем, арматурины с прилипшими к ржавчине волосами какого-нибудь бедолаги и прочий мусор. Слева располагалась ржавая, оставшаяся еще с советских времен, полуразрушенная промзона, где пиздюки вроде нас любили лазить, каждую минуту рискуя сломать себе шею. Промку закрыли, когда на одного из пацанов упала бетонная плита и размазала его в считанные секунды. Но кого это остановило? Спустя сутки в заборе проделали новую дыру, и заброшенные помещения снова заняли наркоманы, бомжи, гопота и пиздюки, которых кончина их ровесника ни капли не напугала. Лишь его мать выцветшим призраком нет-нет да и бродила по потрескавшемуся асфальту, выкрикивая имя сына. За промкой тянулся вдаль частный сектор, облюбованный цыганами, наркоманами и престарелыми пенсионерами, доживающими свой век в Окурке.

Я жил в третьем доме, чьи окна выходили на грязный парк. Порой, когда я не мог уснуть и торчал на балконе с сигаретой, то часто слышал, как в парке кого-то избивают. Иной раз слышал женские крики, которые обрывались на высокой ноте, после которой всегда следовал шакалий мужской смех.

Жил я с родителями в стандартной хрущевской однушке на тридцать квадратов. С лакированным сервантом, в котором стояла мамина гордость – фарфоровый сервиз и деревянная фигурка попа с секретом. Если вытащить божью коровку, которая сидела на мантии, и потянуть попа за голову, то наружу, из-под мантии, вылезал здоровенный хуй с приклеенным к нему куском искусственной шерсти. Других фигурок с секретом в серванте не было.

В остальном наша квартирка не отличалась ничем от других квартир Окурка. Разве что почище была. Раскладной диван, на котором спали родители. Раскладушка у бокового окна, где спал я. Письменный стол и книжные полки над ним. Кладовка, заваленная разной дрянью, которую выбросить жалко, но она один хуй никому не нужна. Кухня тоже была аскетичной. Стол, три табуретки, пенал над головами и двухкомфорочная газовая плита с раковиной-мойкой в углу. Даже сейчас, стоит закрыть глаза, как передо мной возникает наша квартира. На кухне мамка варит гороховый суп, в кресле в гостиной отец курит папиросу и смотрит телевизор, а я, забравшись с ногами на диван, читаю «Dark City» или любимую фантастику.

Я жил на районе со своими друзьями: Солёным, Жабой, Ирккой и Лаки. Вот только с детства знал двоих.

Кирилл Комаров, он же Солёный, был моим другом детства и жил в Блевотне – частном секторе дальше по проезду. Жил в покосившейся халупе вместе с мамкой и полупарализованной бабкой, которая иногда доводила Кира до белого каления своими выходками. Кир, пусть и крепко сложенный, обладал настолько страшной рожей, что даже бывалая гопота

порой ужасалась, когда натыкалась на него, возвращающегося с гулянок, в ночи. Голова его была вытянутой, глаза маленькими и близко посаженными к носу, а нос слишком мясистым, чтобы считаться красивым. Тем не менее, девки на Кира липли как мухи на повидло. Он умудрился трахнуть всех одноклассниц, побрезговав только зубрилой Егоровой и толстой прыщавой Пиленко, от которой вечно воняло старыми носками и подгоревшей кашей.

– Мамка говорит, что я в бату пошел, – криво усмехнулся Кир, когда я спросил его о причинах такой популярности у девок. – Тот был тем еще убищем лесным, а бабы по нему кипятком ссались.

Погоняло Солёный он получил после выпускного. Мы тогда курили за углом ресторана и случайно подслушали разговор Ольки Перетяго. Она в красках рассказывала своей подружке Пиленко о том, как Кир трахнул её буквально час назад в туалете ресторана.

– Чо, чо, – фыркнула Олька. – Толстенький такой, нормальный. Но солёный, пиздец.

– Солёный? – даже не видя Пиленко, можно было понять, как скривилось её прыщавое ебало.

– Ага. Очень солёный, – рассмеялась Олька и отхлебнула порядочно вина из полупустой бутылки. С того момента Кира иначе как Солёным не называли. Да он и сам привык настолько, что в момент знакомства с кем-нибудь представлялся именно Солёным, а не Кириллом. Киром звали его только близкие друзья.

Кир с детства был жестким и даже жестоким. Но это не удивительно. Если живешь в Блевотне, то по-другому не получится. В восьмом классе он отхуярил детей своих соседей кочергой за то, что те пиздили яблоки с его участка. А в девятом отпиздил целую семью, жившую справа по соседству.

Семья та была каноничной и для Блевотни, и для Окурка. Алкаш-отец, алкашка-мать и великовозрастный долбоеб-сын, который, напившись, принимался гонять родных по участку поленом, изредка выбегая на улицу без трусов. В одну из таких попок они помешали спать Киру, который приходил в себя после тяжелой тусы. Я тогда остался у него на ночь и проснулся от диких криков с улицы. Не найдя своего друга на соседней кровати, я выскочил на улицу в чем был и увидел, как Кир хуярит кочергой долбоеба-сына, одна рука которого повисла плетью, а второй он пытается прикрыть разбитую голову. Неподалеку в кустах валялся отец семейства, над которым, завывая и раскачиваясь, тряслась мать.

– Заебали! Заебали! Заебали! – повторял Кир после каждого удара по долбоебу-сыну. Тот не отвечал. Лишь мычал что-то невразумительное. Это потом мы узнали, что взбешенный Кир сломал соседу помимо руки еще и челюсть.

– Игоря убили! – орала мать, пытаясь растормошить валяющегося в отключке мужа. Судя по запаху, он еще и обосрался. Она заткнулась, когда Кир, устав лупцевать долбоеба-сына, повернулся к ней и заорал в ответ:

– Ща тебя, нахуй, убью, если не заткнешься!

На удивление, баба угрозу поняла и, продолжая завывать, спряталась в кусты. Я еле успокоил бешеного Кира и увел его домой. А утром по его душу пришел участковый с двумя ментами и собакой.

– Ничего не видел. Спал как убитый, – паскудно улыбаясь, ответил Кир на предъявленные претензии. За плечами ментов маячила бледная соседка, но, наткнувшись на ледяной взгляд Кира, тихо ойкнула и умчалась на свой участок.

– Соседи говорят, ты кочергой избил отца и сына, – лениво буркнул участковый, дядя Миша, которого мы знали. Поэтому Кир вел себя так вальяжно. Дядя Миша давно привык к той хуйне, что творилась на Окурке, поэтому просто делал свою работу, не пытаясь особо вникать в местные разборки.

– Какие соседи? Эти, блядь? – ругнулся Кир, указав на мать семейства, которая выглядывала из-за забора. – Они постоянно друг с другом пиздятся, дядь Миш. А я вчера спал. Дьяк вон подтвердит.

– Ага. Спали как убитые, – повторил я, когда равнодушные глаза участкового остановились на мне.

– Вы других соседей спросите, – кивнул Кир в сторону тарашившихся с другого участка цыган, чьи дети тоже испробовали на себе кочергу.

– Да не видели они нихуя. Как обычно, – отмахнулся дядя Миша и, убрав лист в папку, вздохнул. – Заканчивай, Комаров. Когда-нибудь найдется тот, кто видел.

– Не в Блевотне, дядь Миш. Сами ж знаете, – снова усмехнулся Кир, закуривая сигарету.

– Знаю, – кивнул участковый и, взяв под козырек, направился к выходу с участка.

– Пидоры, блядь, – зло бросил Кир, когда участковый уехал. Только ругнулся он на соседку, которая все еще пялилась на нас из-за забора. – Хуй с ними. Погнали, выпьем. Башка трещит.

– Погнали, – кивнул я, и мы с Киrom отправились похмеляться домашним вином, которого у Кира было в избытке.

Так получилось, что именно Кир открыл для меня мир метала. Случилось это в десятом классе, когда он подсел ко мне на перемене и положил на стол диск. На обложке был только орущий черно-белый мужик и какая-то нечитаемая хуета вместо логотипа.

– На, зацени, – коротко бросил Кир, смотря в сторону. Там, у книжных шкафов со старыми учебниками, наши старшаки мучили Петушка – классного лоха. Я же с головой погрузился в учебник по химии и раз за разом повторял формулы перед контрольной.

– Бля, Кир. Тут контроша сейчас будет, а ты с музлом своим, – поморщился я, но Кир, двинув мне по плечу кулаком, настойчиво придвинул диск ближе. – Чо это?

– У нефора из параллельного отжал вчера, – усмехнулся он. – Послушай.

– Хуйня какая-то, – хмыкнул я, повертев диск в руках.

– Сам ты хуйня, – вскипел Кир, но быстро остыл. – Сам так же думал, пока не включил. А потом проперло. Нефор сказал, что это типа блэк-метал.

– Ты ж по Queen перся, не? – поддел я друга. Тот поморщился в ответ и, прочистив горло, сплюнул на пол.

– Давно это было. Хуета пидорская. А это тема. Нефор сказал, что не всем заходит. Но ты попробуй.

– Ладно, – нехотя буркнул я и сунул диск в рюкзак, после чего снова вернулся к учебнику. Формулы расплывались перед глазами бессмысленными кляксами, и я, вздохнув, понял, что эту контрольную не выведу точно. Петушок в углу протяжно завыл, когда старшаки стянули с него штаны и кто-то врезал ему по яйцам. Как и всегда.

Вечером мне, как обычно, дали дома пизды. Мамка нашла в рюкзаке сигареты и зажигалку, после чего устроила очередной концерт. Я привык к разносам с седьмого класса, поэтому молча стоял, потупив взгляд и изучая покрашенный коричневой краской пол на кухне. Но мамка на проповеди не остановилась и позвала отца. Тот молча выслушал её, повертел в руках пачку сигарет и грустно вздохнул.

– Ладно. Если уж куришь, то кури в открытую, – бросил он, заставив мамку открыть рот от удивления. – Лучше уж дома, чем бычки по помойкам собирать.

– Да как же... – попыталась было вставить мамка, но папа бросил на неё косой взгляд, и она замолчала. Я слабо улыбнулся, смотря на отца, и уловил в ответ еле заметную улыбку.

– Но придешь пьяным – отхуярю, – серьезно сказал он. – Не в этом доме. Усёк?

– Усёк, – кивнул я, и меня наконец-то отпустили.

Добравшись до своего стола, я скинул рюкзак и вытащил из него учебники, тетрадки и диск, который мне дал Кир. Затем, чуть подумав, достал из нижнего ящика свою «сидюк».

Плеер я купил после летних каникул у Лёньки Щеглова – одного из наших старшаков. Ему батя подарил новый, а старый он долго пытался всем втюхать, пока я его не купил.

Летом мы с Киром хорошо пошуршали на промке и спиздили оттуда гору кабелей, которые потом продали барыгам из Блевотни. Деньги поделили поровну: Кир свои пропил, а я купил новые шмотки и на остатки взял плеер. У Ирки, моей соседки, был комп с резакон, и она за небольшую плату нарезала музлу всему двору. Мне, понятно, она резала бесплатно, потому что мы дружили с детства.

Засунув диск в плеер и нажав на «Play», я от неожиданности чуть не грохнулся со стула. Музыка, если её можно было бы назвать музыкой, совсем не походила на то, что я слушал раньше. Глухой сырой звук, монотонные барабаны и хриплое карканье вместо нормального вокала. Меня замутило, а сердце словно попыталось угнаться за неизвестным барабанщиком. И тут я услышал мелодию...

Мелодию настолько пронзительную и грустную, что даже сердце заныло, а в груди набух комок. Вместо карканья я услышал яростный крик, полный боли и жажды. Вместо сырости – ледяной ветер и колючий снег, рассекающий кожу до крови. Вместо тупого молотилова – бешеный стук сердца того, кто бежал через холодную пустыню в надежде найти тепло.

– «Transylvanian hunger», – прочитал я, перевернув коробку от диска. И тут же все встало на свои места. Голод! Крик голодного вампира посреди непроглядной тьмы и холода ледяной пустыни. Который хочет лишь одного. Крови.

– Зашло, – констатировал Кир, когда мы пересеклись у школы за углом, где часто курили без риска засыпаться. Я кивнул ему и пожал протянутую руку, после чего нахмурился и посмотрел на странного пацана, стоящего рядом с Киром.

– Зашло, – подтвердил я, доставая сигарету из пачки и зажигалку. – Сначала подумал, чо за хуета, а потом проперло.

– У блэк-метала есть особый шарм. В монотонности полотен... – манерно произнес незнакомый мне пацан.

– Ты, блядь, кто такой? – перебил его я. Пацан сбился, побледнел и сделал шаг назад, но когда Кир рассмеялся и положил мне руку на плечо, выдохнул.

– Не бурей, Миха. Это новенький, зимой с Речки перевелся. Он и подогнал мне диск, – ответил Кир. – В параллельном учится. И в музле шарит, вообще заебись.

– Роман, – представился пацан, протягивая руку. Я чуть подумал и пожал её.

– Миха. Будем. Так чо ты там про блэк-метал пиздел?

Так я познакомился с Жабой. Погонялом его тоже наградил я, но все, услышав его, согласались с тем, что прозвище подходит ему идеально.

Невысокого росточка, Жабу смело можно было назвать отгалкивающим. Круглая и слишком крупная голова, вечно грязные жиденькие волосы, стянутые в сальный хвостик, черные мелкие глаза и слюнявый лягушачий рот, частенько растягивающийся в противной ухмылке. А еще Жаба очень сильно был похож на вокалиста группы Alphaville, только чутка уродливее.

Жил Жаба через дом от меня по проезду в двушке вместе с отцом и мамкой. Его отец работал формовщиком на заводе, где трудились почти все мужики нашего района. Естественно, те, кто еще не спалил окончательно мозги паленым бухлом. Высокий и худой, он был идеальной парой для своей жены – такой же серой и неприметной мышки, работавшей бухгалтером на заводе.

Когда я впервые увидел отца Жабы, то подивился, насколько Жаба на него не похож. Словно он был детенышем кикиморы, которая подкинула своего отпрыска и забрала у семьи Черновых нормального ребенка. Правда выяснилась позднее, когда Кир напоил Жабу на своей днюхе спустя полгода после нашего знакомства. Тогда с Жабы спала маска, и он рассказал нам, что отец ему не родной.

Виной всему мамка Жабы, которая, получив путевку в санаторий, встретила там такого же бухгалтера, как и она сама. Он писал ей стихи, таскал вино ночами, а потом выебал и уехал в родной город. Через девять месяцев родился Жаба, а его мамка решила во всем признаться мужу.

– И чо? Не выгнал нахуй вас? – подивился Кир, прикладываясь к полторашке пива. Окошевший Жаба, с трудом сидящий на стуле, тяжело мотнул.

– Не. Сказал, что привык уже к ней. Да и куда бабу с мальком выкинешь, – запинаясь, ответил Жаба, неумело пытаясь закурить.

– Чот не понял я. Вроде и по-мужски поступил, а вроде и не мужик, раз блядую не выгнал, – задумался Кир.

– Тебе не похуй, а? – ругнулся я. – Чужая семья – потемки. Нехуй туда лезть.

– И то верно, – кивнул Кир. Он посмотрел по сторонам и, не найдя сигарет, повернулся к Жабе. – Жаб.

– А?

– Хуй на. Не видишь, сиги кончились? Смотайся не в падлу.

И так всегда. Кир пользовался бесхребетностью Жабы, а он, вроде, и не против был. Даже когда доходило до абсурда и Кир просил его сгонять на рынок за продуктами. К Киру у Жабы была какая-то странная любовь. Порой казалось, что он любит его больше, чем тяжеляк, телок и бухло. Вечно смотрит в рот, и стоит Киру сказать «фас», Жаба несется выполнять поручение. Правда, он и сливался порой. Когда дело доходило до драк или разборок.

Жаба был патологическим трусом. Если назревала драка, он или убежал, или падал в обморок. Странно, учитывая, что его даже гопари редко трогали, словно этот серый, вечно зашуганный человечек и так наказан судьбой.

У меня к нему были двойкие чувства. Жалость, смешанная с отвращением. Я перестал испытывать к нему симпатию, когда увидел, что он зажал в углу гардеробной Петушка и потрошит его карманы на предмет мелочи. Петушка ебли все кому не лень, но Жаба, полгода бывший в нашей школе лохом и лишь недавно получивший покровительство Кира, слишком быстро переметнутся к «уродам», как я их называл. Он не отходил от Кира ни на шаг, а на перемене залетал в наш класс с первым звонком, чтобы выслушать очередной приказ и сгонять за сигаретами в киоск. Щемил с другими старшаками лохов в своем классе и в параллельных. А на разборках, прячась за широкую спину Кира, ядовито тьявкал, если понимал, что пизды не получит. Но чуйка у него работала. Жаба редко залупался на тех, кто мог дать ему пизды. И ничем не отличался от тех шакалов, что грызут семки и оставляют после себя лужи из слюны, наполненные раскисшими окурками.

– Иногда мне хочется его обнять, – сказала как-то Ирка, когда мы курили у входа в клуб. – А иногда отпиздить.

Ирка тоже подруга моего детства. Как и Кир, она всегда была рядом. В школе, пусть и училась в параллельном классе, и в жизни. Ирка жила в соседнем подъезде на втором этаже. Жила вместе с матерью, сисястой бабой с огромной жопой, и с отцом, тихим алкашом, больше похожим на съебавшуюся от Аида тень, настолько худым и невзрачным он был.

В детстве весь двор знал, когда Иркин папка получал зарплату. Сначала мы, гоня мяч во дворе, видели его пьяного идущего домой. Потом, через пять-десять минут, он вылетал из подъезда бледный, как сама Смерть, а за ним неслась Иркина мамка.

– Как ты заебал, а? Параша ты хуева! – орала тетя Лена, тщетно пытаясь догнать дядю Артёма. Её огромные сиськи скакали так, что мы боялись, как бы не убили вовсе, прилетев, к примеру, в висок. За ней из подъезда выходила меланхоличная Ирка, грызущая яблоко или бутерброд. Она подсаживалась к нам и равнодушно смотрела, как мать гоняет отца на глазах всего двора.

– Снова почти всю зарплату пропил, – отвечала Ирка на наш немой вопрос.

– Сюда иди, сука! Сюда, кому сказала!

– Леночка...

– Хуеночка! Убью, гнида! Сюда иди, быстро!

– Леночка, зайныка, – не сдавался Иркин отец, нарезая круги вокруг покосившегося столика, где обычно собирались другие алкаши из нашего двора. Но Иркина мамка не сдавалась.

– Ну, сука, попадись мне, – шипела она, с ненавистью глядя на пьяного мужа. – У дочери обувка прохудилась, а он хуярит, блядь. Синебол ебанный!

– Я тортик же купил, – жалобно и плаксиво отвечал ей дядя Артём.

– В жопу себе свой тортик засунь, падла! Не мужик, а игрушка какая-то, – всхлипывала тетя Лена и, устав бегать, садилась на лавку. Иркин папка крутился рядом, дожидаясь момента, когда жена успокоится. – От Щелкунчика Иркиного пользы больше, чем от тебя, сволочь.

– Я же немножко, зайныка. Пару капелек.

– Пару капелек?! – побагровев, отвечала ему тетя Лена. – Ну, сука, попадись мне. Выжму как губку. Все, блядь, капельки, шо ты из меня попил, выжму.

Спустя полчаса они помирились, и Иркин папка подсаживался к жене и ласково гладил её по голове дрожащей ладонью. Еще через полчаса они уходили домой, а Ирку оставляли на улице. Тогда мы еще не понимали, зачем, но быстро определяли её в команду и снова принимались гонять мяч, напрочь забыв о случившемся концерте.

Когда Ирке было тринадцать, тетя Лена пошла на завод в бухгалтерию и заставила склочных баб придерживать зарплату мужа и отдавать только ей в руки. Правда, она сжалилась над дядей Артёмом, и какую-то часть ему все же выдавали. На те самые «пару капель». Крики, конечно, никуда не делись, а вот благосостояние семьи немного выправилось. Ирке даже компьютер купили в девятом классе, что заставило нас нехило удивиться.

Но несмотря на то, что Ирка была девчонкой, мы относились к ней, как к пацану. Да она и сама выглядела как пацанка. Короткая прическа с небольшой челкой, крепкая, как у матери, фигура, лицо, на котором навеки застыло суровая мина, и черные, как два уголька, глаза. Она могла запросто отпиздить любого гопаря и не косела после полбутылки водки.

Ирка вписалась в нашу компашку через полгода, как я познакомился с Жабой. Я постоянно таскал ей его диски, чтобы она сделала мне копии, и Ирка, любопытная, как и мать, естественно, их слушала. Всякий блэк и дэт ей не вкатил, а вот хэви и пауэр наоборот понравились. Поэтому я изредка брал у Жобы то, что сам не слушал, но знал, что Ирка оценит.

Забавно, но с Иркой у меня часто случались разговоры по душам. Конечно, она могла подъебнуть или рассмеяться, но всегда очень тонко чувствовала, когда не стоит переступить грань и лучше просто выслушать.

Именно она вытащила меня из депрессии, когда на небо ушел папка. Случилось это почти сразу после выпускного. Я помню, как пришел домой после вступительных в политех, чтобы обрадовать мамку, и застал её на кухне, плачущей и в черном платке. Остальные воспоминания мутные и еле видимые, как в тумане.

Я помню, как мамка, давась слезами, рассказала, что папку порезал обдолбанный наркоман. Папка шел домой из пивнушки, где с мужиками частенько обсуждал политику да районные новости. Уебок, доебавшийся до него, хотел денег. Папка не уступил, и завязалась драка, во время которой его трижды ударили ножом и бросили истекать кровью. Ни один прохожий не удосужился вызвать скорую, и папка ушел. На Окурке такое часто бывает.

На похоронах я сидел тише мышки в уголке и накидывался водкой. Рядом со мной, слева, сидел Кир, обзаведшийся на тот момент погонялом «Солёный», сбоку от него примостился Жабба, а справа подседа Ирка, которая обняла меня и так и не выпустила из своих объятий в тот день. А я пил. Месяц. Без перерывов. Пока Ирка, пришедшая в гости, не вправила мозги.

Она вошла молча на кухню, засучила рукава своего балахона с Кипельчем и влепила мне хорошего леща, заставив отлететь к холодильнику. Затем, пока я пытался прийти в себя после

удара, схватила за шкурку и потащила в ванную, швырнула меня внутрь и врубила ледяной душ, заставив меня взвыть от боли.

Потом Ирка обтерла меня махровым полотенцем и, усадив на диван, грустно посмотрела в глаза.

– Ну? – спросила она.

– Чего «ну»? – пожал я плечами и, подтянув к себе ноги, посмотрел на неё.

– Долго ты «синего» хуярить будешь?

– Сколько надо, столько и буду, – буркнул я и получил еще одну затрещину. Рука у Ирки тяжелая, я почувствовал, как мозги внутри черепа соприкоснулись с костью. – Блядь, Ир! Больно же.

– Еще не больно, – загадочно улыбнулась она. – Будешь дальше хуярить – будет больно. Серьезно, Мих. Заканчивай.

– Не могу. Спать лягу и... – я не договорил и отвернулся в сторону, чтобы Ирка не увидела моих мокрых глаз. Но она увидела.

– Знаю. Только ты не один. Это хоть понимаешь?

– В смысле?

– В коромысле, – передразнила она и указала рукой на кухню, где тихо лязгала кастрюлями мамка. – О ней ты уже забыл?

– Нет, – жгучий стыд залил красным щеки, когда я понял, куда клонит Ирка.

– Не пизди. Забыл, – мотнула она головой. – Теперь ты тут мужик, усёк?

– Усёк, – нехотя улыбнулся я, уловив отцовский тон в Иркином голосе.

– Нет, Мих. Не усёк. Но усечь должен, – вздохнула Ирка. – Вы на батину зарплату с завода жили. А теперь чо? Хуй без соли доедать будете? Одна она не вытянет тебя, лоботряса ебаного. Ты сидишь тут, сопли на кулак мотаешь, а ей какво, подумал? Ни хуя ты не подумал. Синькой мозги залил и рад, что в коматозе.

– Понимаю, – буркнул я, потянувшись за сигаретой.

– Уж, блядь, надеюсь. Увижу тебя ближайший месяц синим – отхуярю, – пригрозила она и встала со стула. – Миш, ты теперь мужик в семье. Запомни. Теперь тебе не только учиться надо, но и мамке помогать, а то она вслед за батей твоим уйдет. Чем быстрее поймешь, тем лучше.

– Спасибо, Ир, – кивнул я, не решаясь посмотреть на неё.

– Не за что, – бросила она и ушла, оставив меня наедине со своими мыслями. Видимо, каждому порой нужна баба, которая сможет хоть немного вправить тебе мозги.

«Зачетная баба. Злая, шо ебучий гопник, но зачетная», – сказал о ней как-то Балалай.

Олежка Балакирев влился к нам в компашку после первого в моей жизни рок-концерта, прошедшего в «Железке» – районом дворце культуры. Погоняло «Балалай» он получил сразу, как только Солёный его увидел. Олег носился по танцполу, снося девчонок и некоторых пацанов, яростно тряс башкой под не попадающие в ритм инструменты пьяных музыкантов и имитировал игру на гитаре или балалайке с легкой ебанцой в глазах.

Когда он подлетел к барной стойке, у которой мы стояли, то чуть не снес Кира, который собрался дать волосатому пизды, но передумал, потому что Олег, чьего имени в тот момент мы еще не знали, повернулся к бармену и сказал:

– Три пива этим пацанам. А мне водяры с томатным соком!

– Ты чо такой буйный? – улыбаясь, спросил его Кир, делая глоток холодного пива из бутылки. Через полгода пиво в клубе станут подавать в пластиковых кегах, когда пьяный Балалай расшибет бутылку об голову заблудившегося гопаря и отправит того в реанимацию.

– А хули нет-то? – пожал плечами Олег и, опрокинув внутрь рюмку водки, поморщился. – Музлю качает, воздух жаркий, водочка согревает. Хули не повеселиться? Погнали поскачем? Хули вы такие скучные тут стоите?

И мы пошли. Скакать, орать и трясти головами под убищный кавер «Рамонов», который звучал со сцены.

– Хули вы такие скучные? – орал посетителям клуба Балалай, которые тоже начинали улыбаться и вливались в наши дикие скачки. Балалай снова начинал имитировать игру на бала-лайке, а Кир уссывался со смеху, глядя на его кривляния.

– Ебнутый пацан. Но по-правильному ебнутый, – вытирая слезящиеся глаза, сказал он. Мы с Жабой молча согласились.

– У Балалая два состояния, – сказала как-то раз Ирка, после того, как узнала Олега чуть получше. – Балалай нормальный и Ебалай, когда ебаната включает.

– Все мы немного ебалаи, – пьяно прогудел Олег в ответ на это, благодаря чему получил еще один вариант погоняла. Но Ебалаем его звали редко. Лишь в те моменты, когда он начинал откровенно чудить или скатывался в неадекватность.

Жил он на Речке, но тусил с нами на Окурке. Свою старую компашку он частенько крыл хуями, называя их лицемерами и скучными уебками. Вся жизнь Балалая была движением, и он, сам того не ведая, заставлял шевелиться и нас.

Подраться с пьяным ролевиком в клубе, выпить с ним бутылку примирительной на двоих и на следующее утро поехать в ебенья на игру? Запросто. Заступиться за девушку, до которой доебалась толпа гопарей, получить пизды так, что потом неделю ссаться кровью? Легко для Балалая. Подбить нас полночи ходить у дома Солёного, стучать в окна и выть как волки, чтобы Кир в итоге выскочил на улицу с любимой кочергой и разбил башку Балалаю? И это тоже было нормой. Играть в переходе на гитаре красивый блюз, а когда соберется толпа слушателей, проорать, что все пидорасы, и начать исполнять куплеты «Красной плесени»? Само собой разумеется.

– Понимаешь, Дьяк, – философски сказал он мне как-то на совместной пьянке, – жить – пиздец как скучно. И если ты сам себя веселить не будешь, то превратишься в тех цивиллов, которых презираешь. Дом, работа, дом, изредка бухнешь и все время будешь страдать. Я так не хочу. Я хочу жить и жить ярко, понимаешь? Даже если сгорю нахуй.

Я понимал его. Потому что сразу после нашей беседы Балалай соблазнил двух девок и, утащив их в свободную комнату, убедил сделать ему минет на балконе в пятнадцатиградусный мороз. Ментам, забиравшим его, он сказал то же самое, что и мне. Что жить скучно и жить нужно ярко. В подъезде ему дали пизды за пререкания и оскорбления, но Балалая это не остановило. Иногда он слишком увлекался, и тогда на волю выползал Ебалай.

Был у него небольшой пунктик по поводу мигрантов. Олежа ненавидел их всеми фибрами души, и неважно, кто перед ним: индус, таджик, армянин. Картоху на рынке он принципиально покупал у русских, а проходя мимо какого-нибудь кавказца, запросто мог закуситься с ним и начать орать. Изредка эти концерты переходили в драки, и тогда уже Балалаю приходилось убегать, сжимая в руках пакет с картошкой и огурцами. Потому что у обиженных им всегда находилось подкрепление, и даже Ебалай понимал, что лучше сбежать с места битвы, чем подохнуть в жиге от скисшего арбуза под чьим-нибудь прилавком.

– Хуй его знает, – огрызнулся он как-то, когда я спросил его о причинах ненависти к мигрантам. – Просто бесят. Отъебись.

– Да тебя корежит, блядь, как идиота, когда ты смуглых видишь, – усмехнулся я в ответ. Олег вместо привычной ругани вдруг задумался и пожал плечами.

– Много причин, Мих. Обо всех и не расскажешь, – буркнул в итоге он, затягиваясь косяком. – Бесит их говор ебучий. Как воняют, бесит. Бесит, что наших на рынке наебывают. Даже бабок, которые последние копейки им несут. То картоху червивую продадут, то пару помидоров под прилавок сунут, пока бабка еблом щелкает. Когда чурка один идет, он тише мыши. А стоит двум-трем собраться, и пиздец. Спины широкие, каркают что-то на своём, до баб доебываются. Вступишься, дашь им пизды, так они сразу весь свой табор ебучий зовут.

Братана моего на Речке как-то азеры порезали. Он мимо них проходил и замечание сделал, что заплевали весь асфальт у подъезда. Отвернулся, ему ножом в почку и засадили. Еле откачали, блядь.

– Не все ж такие оборзевшие, Олеж, – улыбнулся я, делая глоток пива, и, мотнув головой, отказался от косяка, который протянул мне Балалай. – Вон, дядь Гела в моем дворе. Как из Грузии вернется, всегда угощает сладостями. То мандарин отсыплет, то чурчелу даст, папке моему всегда с машиной помогал, пока не продали...

– Ага. Это он с тобой такой, – перебил меня Олег. – А на деле? Каким он был в молодости? Так же доебывал баб и залупался на тех, кто ему пизды не может дать? Все они, блядь, такие. Короче, нахуй с тобой спорить. Заебал. Я их ненавижу и причины озвучил. Переубеждать меня не надо. Не куплюсь я на таких «дядь Гел».

Я промолчал, понимая, что никуя не добьюсь от Балалай. Его мозги уже были кем-то промыты, и мои потуги могли лишь навредить. Со временем стали понятны его заскоки и странный для его возраста цинизм, потому что жизнь у Олега, как и у многих на Речке и Окурке, была не сахар.

Олежа жил в однокомнатной квартире с сильно пьющим и вечно простуженным отцом, злобной матерью и двумя старшими братьями. В нашей компашке мы не называли их по имени. Только по кличкам. Круглое Лицо и Длинное Лицо. Или, сокращенно Круглый и Длинный, когда было лень называть полностью.

Круглый – старший. У него была большая круглая башка и хилое тельце, как у пришельцев из ящика. Крохотные глазки, здоровенный нос и толстые, вечно слюнявые губы. Солёный, как увидел его, сразу окрестил старшего дебилом и, как показало время, он был отчасти прав.

Длинный – второй сын Балакиревых. Его башка была вытянутой, как дыня-торпеда, а лоб сильно скошен, словно мозгов в его голове совсем нет. Такие же, как и у старшего, крохотные глазки, нос и толстые губы присутствовали.

Олег разительно от них отличался. Он был ниже ростом, более крепкий и куда симпатичнее братьев.

– Бастард он, бля буду, – сказал начитавшийся Вальтера Скотта Кир, когда увидел выполняющих из чрева подъезда братьев Балакиревых. – Либо мамка нагуляла где-то, либо спиздили у соседей, увидев, какие уроды рождаются.

Чуть позже мы стали свидетелями особого отношения к детям в этой семье. Круглого и Длинного любили, зацеловывали в жопу и всячески перед ними лебезили, а вот Олегу постоянно доставалось, причем порой из-за всякой хуйни или проделок своих дебиловатых братьев.

Мать могла запросто купить две шоколадки, а про Олега забыть. Шмотки в первую очередь тоже покупались старшим, на младшего же чаще всего забивали болт, о чем нам поведал сам Балалай, когда немного прикипел, выпил и оголил душу.

– Они ж дегроды, пиздец, – буркнул Олег, наливая в гнутую алюминиевую кружку домашнее вино Кира. – Толян как-то с улицы толкан старый притащил и с Коляном решил его вместо нашего установить. Я в то время спал на балконе и, что делают эти ебланы, не знал. Просыпаюсь, значит, от крепкого такого леща. Щека горит, в башке мухи летают, а надо мной мамка стоит и ядом плюется. Рядом с матрасом моим еще и унитаз наш старый стоит, а сбоку от подушки пустая бутылка от винища, которое я отродясь не пью. Мамка меня за ухо и в сортир, а там... пиздец, канализация. Все в воде, в говне и грязи. В ванной валяется уличный толкан, разбитый к хуям. Из трубы еще говно течет, а эти два долбоеба скалятся и на меня пальцем показывают. Мол, Олежа пришел домой пьяный, разбил толкан и попытался новый поставить.

– Гонишь! – недоверчиво произнес Кир, подливая и себе вина. – Блядь, мы ж видели их. Их даже спрашивать не надо, любую хуйню смело вешай и будешь прав.

– Хуй знает. Мамка всегда им верит, – почесал лоб Балалай. – Меня тогда из дома на неделю выгнали. У братанов с Речки кантовался. А как деньги закончились, так сразу обратно

позвали. Но это хуйня, пацаны, отвечаю. В школе вообще пиздец был. Покупают, значит, в августе одежду нам. Новую. Типа, чтобы в новый учебный год при полном марафете, бля. Взяли нас троих родки и на рынок к гукам потащили. Те сразу налетели, защебетали что-то по-своему, шмотки суют под нос и вокруг долбоебов этих вертятся. Я с папкой рядом курю и жду своей очереди. И чо думаете?! Шмотье купили только этим пидорасам, а мне мамка прямым текстом сказала, что в старом от братьев похожу. Я ей в ответ, что деньги-то мои, на рынке вагоны грузил с пацанами все лето, а она нахуй послала и все. Папка только плечами пожал и за ней поплелся. Вы, блядь, видели их штаны? Я ж обмотаться ими как Цезарь могу, и то лишнее останется. Короче, я к братанам, мол так и так, послали меня нахуй. Они в ответ предложили металла напиздить с завода, ну я и согласился. Хоть шмотье купил и то радость. Теперь половину отдаю им, и хватит. Один хуй на кретинов все потратят, а мне хуй, как обычно.

– Блядь, Олег. А чего ты не свалишь? – фыркнула Ирка. – С такой родней, да ну его нахуй, не?

– Так-то да, Ириш, но родня это, – Олег загадочно улыбается и делает глоток вина. – Если не я, то они по миру пойдут. Эти два дегрода без родителей сдохнут сразу. Только и могут, что на бабок в подъезде драть, да хуйню всякую с улицы таскать. Да и батю жалко, нормальный он, хоть и синячит. Он всю жизнь угробил, чтобы нашу банду содержать, а тут, если один останется, мамка ж его сожрет. Короче, запутанно все это. Не вникайте, а то крыша съедет, точно говорю.

Но семейка не смогла помешать Олегу закончить музыкалку по классу гитары, да и на его выкрутасы после школы стали смотреть куда лояльнее. Понимали, что если передавят, то хуй им, а не деньги. Мы же не понимали его странную любовь к родным. Его унижали, оскорбляли и издевались над ним, как хотели, а он их любил. Просто любил. «Потому что родня», – как он любил повторять время от времени, если Кир снова поднимал эту тему.

– Ему очень больно, но он скрывает это, – сказала как-то Лаки после очередной лиричной исповеди Балалая. – И всегда будет скрывать.

Олька Лаки пришла в нашу компашку через месяц после Балалая. Единственный лучик здравого смысла среди кучи разномастных обалдуев. С ней я познакомился в клубе «Шесть семерок», который находился в центре и считался заведением для мажоров.

Меня и Кира туда пригласил Слепой Пью, один из общих знакомых по неформальским тусовкам. Слепым его звали потому, что один глаз у него был искусственным. Последствия давней драки со скинами, которые доебались до Пью и попросили пояснить за шмот. Пью пояснил так, что потерял глаз и стал с того момента прозываться Слепым Пью. Погоняло же ему дали за страсть к бухлу.

– Пил, пью и буду пить, – сказал как-то Пью на одной из вписок. С тех пор «Пью» к нему и прилипло.

Пью был завсегдаем музыкальных клубов. Он мог отжигать под шансон, клубняк и голимую попсу. Знал, в каком клубе какой репертуар в любой день недели. Водил дружбу с хозяевами этих клубов, подгоняя им клиентов из неформальных тусовок, которые хотели устроить свой концерт с бухлом и размалеванными девками.

– В «Семерках» сегодня концерт будет, – сообщил он нам с Киrom, когда мы пересеклись в центре и завалились в бар, чтобы пропустить по бутылке пива.

– Кто играет? – спросил я. Киру обычно было похуй, кто играет. Больше его волновало бухло и будут ли на концерте симпатичные тёлки.

– Бледные кодыак собирают, – ответил Пью. Мы с Киrom переглянулись и недоверчиво на него посмотрели.

– Кто их, блядь, в «Семерки»-то пустит? – ругнулся Кир. – Там же обычно клубняк крутят.

– Не, кто-то подмазал Абрека, он разрешил провести сходку бледных.

«Бледными» в нашем городке называли немногочисленных на тот момент готов. Они сторонились остальных неформалов, тусили или на квартирах, или на кладбище на окраине Речки, если не боялись получить пизды от сторожей и гопоты.

– Там банда их выступать будет. «Silver Queen» вроде, или как-то так. Неплохие, кстати, ребята. Легкий готик-рок рубят. Если пойдете, я маякну тогда. Чужих не пускают, типа закрытое мероприятие и вся хуйня.

– Пойдем, – кивнул Кир. – Дома один хуй делать нечего, а концертов нормальных давно не было. – Нас с Дьяком запиши.

– А остальные ваши чо?

– Жаба в больничке, ногу сломал. Ирка с матерью в деревню поехала, а Балалай пропал куда-то. Наверняка нажрался и отходняки ловит, – ответил я.

– А, ну и заебца. Хуй знает, сколько там своих пригласить можно, – задумался Пью. – Но вас я впишу, не ссыте. Только без чудилова, пацаны. Абрек такой хуйни в клубе не терпит, а мне потом отвечать, раз вписываюсь за вас.

– Не бзди, – перебил его Кир. – Будем вести себя прилично.

В кои-то веки Кир не соврал, и вечер прошел без битья морд и доебов до других. Еще на входе в клуб мы увидели невдалеке компанию гопарей, который скалились и подъебывали подходящих к клубу бледных. Те с истинно мертвым похуизмом сообщали охране – двум здоровенным кавказцам – свою фамилию и проходили внутрь. Гопота на парней Абрека предпочитала не залупаться, потому что разговор обычно был коротким и жестоким.

Мы тоже сообщили свои фамилии, дали обыскать торбы и, когда охрана вытащила у Кира нож из-за пояса, смогли тоже пройти внутрь. А внутри нас ждал настоящий карнавал.

Повсюду проплывали девушки в черных платьях и с большим количеством белой краски на лице. Они были обвешаны цепями и кольцами, как готические елки из журналов по тяжелой музыке, которые иногда покупал Кир или Ирка. Пацаны, которых было немного, больше походили на облитых краской долбоебов. Половина ходила в майках «НИМ», а вторая половина щеголяла в балахонах «Lacrimosa». Правда встречались и такие, что были на стиле: в черных дорогих викторианских рубашках, черных брюках и тяжелых говнодавах, обшитых металлом. К таким тёлки сами липли, игнорируя тех, что были одеты победнее.

Мы стояли возле барной стойки и потягивали самое дешевое пиво, потому что денег на коньяк и водку не было, как и на закуску. На подходящих к стойке девушек мы внимания не обращали, потому что они не задерживались. Брали бокал вина, оставляли деньги и возвращались на танцпол, где томно дрыгались под неспешный готик-рок. Лишь одна, подошедшая в середине сета музыкантов, подошла к стойке, да так там и осталась, вежливо отсылая прочь подкатывающих к ней пацанов в майках «НИМ».

– Девушка, подкатывайте к нам, – бросил я, когда поймал её блуждающий взгляд. И добавил, когда тонкие черные брови вопросительно изогнулись: – Так вам хоть мешать не будут.

– Возможно, ты прав, – отстраненно буркнула она и, подойдя ближе, уселась на свободный стул рядом со мной, после чего без стеснения оглядела мой прикид: черную майку с принтом «Каннибалов», черные джинсы с внушительной хромированной цепью на боку и папкины старые армейские берцы. – На готов вы не похожи.

– В точку, солнце, – улыбнулся Кир, смотря на сцену. – Мы так... культурно отдохнуть пришли. Будешь пиво?

– Спасибо. Я лучше вино, – скромно улыбнулась девушка, поднимая в руке бокал. – Вы откуда?

– С Окурка. А ты? – ответил я.

– Отсюда. С центра, то есть. На Ленина живу. Мой папа как раз помог организовать концерт. До этого только на квартирах собирались. Но тут вход по приглашениям. Кто вас пригласил?

– Слепой Пью, – ответил ей Кир.

– А одноглазый... – кивнула девушка. – Он интересный человек. Где-то тут бегают.

– Да, видели, – отмахнулся я. – Пью как до клуба доберется, то все, пиздец, пропал. Начинает бегать, знакомства заводить, до девок доебываться. Но у вас тут неплохо. Музыка приятная, компания, правда, странная, но мы первый раз на сходке готов.

– Оно и видно. Как вас зовут?

– Солёный, – представился Кир, протягивая руку. Девушка чуть подумала и осторожно пожала протянутую ладонь.

– Дьякон. Можно Дьяк.

– Лаки, – представилась она.

– Удачливая, типа? – хохотнул Кир, делая глоток пива. – Ну, будем знакомы, Лаки.

– Нет. Это от латинского «lacrimae». Слеза, – рассмеялась она, с интересом смотря на Кира. Я улыбнулся. В который раз Кир перехватывал женское внимание. – Сокращенно – Лаки. Привыкла уже. А в миру вас как зовут?

– Чего? – не понял Кир, снова заставив Лаки рассмеяться. – В миру?

– Ну, настоящие имена, – пояснил я. Лаки кивнула. – Миха. А это Кирилл.

– Оля. Но предпочитаю имя темной стороны, – серьезно ответила она. Кир стер ухмылку с лица и вздохнул.

– Любой каприз, солнце. Лаки, значит, Лаки.

Лаки была готом снаружи и внутри. Более холодная, чем мы, утонченная и эрудированная, она почему-то выбрала нашу компашку и поначалу бесила Жабу и Ирку. Жаба ревновал её к Киру, который частенько заигрывал с Лаки, а Ирка считала её выебистой мажоркой, пока Олька на одной из встреч не выпила с ней на двоих бутылку водки и еще три часа после этого болтала на темы андерграундной поэзии девятнадцатого века.

Олька жила в центре, в самом благополучном районе нашего городка. Её соседом по подъезду был мэр, а папка водил дружбу со всеми влиятельными людьми города. Более того, даже отмороженная гопота, которой похуй на все запреты и влиятельность, старалась обходить Ольку стороной, словно зная, что пиздец за этим последует настоящий и воистину адовый. Правда, она и сама старалась лишний раз не искушать судьбу. На Окурок она приезжала и уезжала исключительно на такси. И очень редко оставалась у кого-нибудь с ночевкой. Все же отец хоть как-то, но старался контролировать слишком уж независимую дочь.

Потом выяснилось, что Лаки учится по соседству с политехом, и мы частенько коротали время, сидя в одной из многочисленных кафешек. Иногда обсуждали музыку, а порой просто сплетничали о неформальской тусовке нашего города.

– Лаки, а хуль ты забыла среди такого быдла, как мы? – подъебал её однажды пьяный Жаба, когда мы тусили у Кира дома в лютые морозы. Олька, оторвавшись от разговора с Ирккой, посмотрела на Жабу, как на дурака, и, закатив глаза, вздохнула. Но Жаба не успокоился. Разгоряченного алкоголем, его снова обуяла ревность, как это частенько бывало. – От портвейна и картохи нос воротить, на такси катаешься, с мэром здоровкаешься по утрам...

– Во первых, я не голодна, – медленно, словно полоумному, объяснила она Жабе. – Во вторых, я предпочитаю нормальный алкоголь, а не ту бурду, что вы у соседки покупаете. В третьих, ценю себя и свое время, поэтому катаюсь на такси...

– И в четвертых, иди на хуй, Жаба, – перебила подругу Ирка. – Любишь ты влезать, блядь, в разговоры. У нас свобода. Кто как хочет, тот так и выебывается. К тому же быдло тут только ты. Кир вон в изучение запрещенных веществ ударился, Мишка с Лакиной подачи демонологию изучает, хотя ему химию зубрить надо. Балалай блюзы ебашит, когда в настроении. Один ты говно, вот и не залупайся.

– Чо ты Жабу обижаешь? – рассмеялся Кир, когда Жаба надулся. – Иди сюда, братан. Ебнем портвешку, и полегчает. Сам же, блядь, знаешь. К бабам, пока они кости перетирают кому-то, лучше не суйся. Сожрут.

– Угу. Без соли, – поддакнула Ирка и подмигнула надувшемуся Жабе. – Или отпиздят за доебы.

– Вот, вот. Раздавай давай, – кивнул я на карты, и Жаба нехотя подчинился. Все же он привык, что Кир за него заступается. Но перед Лаки Кир почему-то тушевался. «Дохуя умная», как он часто любил повторять и загадочно улыбался в эти моменты.

Солёный, Жаба, Ирка, Лаки, Балалай. Мои друзья. Пусть странные, порой дикие и жестокие, но они были моими друзьями, когда я только начинал свой путь неформала. Пусть это звучит пафосно, но так оно и было на самом деле.

Мы через многое прошли вместе. Был и смех, были и слезы. Было предательство и раскаяние. Много чего было. Веселого и не очень.

Тридцать первого декабря две тысячи первого года мы сделали совместное фото. Кир сидит на диване и держит в руках советскую пивную кружку, в которую до самого верха налито шампанское. Рядом с ним бледная Лаки, которая все же улыбается. По другую сторону от Кира стоит надувший губы Жаба, а за ним, обнявшись, стою я, Ирка и Балалай. На фото Кир вывел канцелярской замазкой – «Братство Окурка». Тогда все увлеклись Толкиным и его «Властелином колец» с моей подачи, и Кир не мог не отметить сходство между Братством Кольца и нашим братством, что озвучил сразу после боя курантов и поздравления президента.

– А чо нет-то? – возмущался он, когда мы подняли его на смех. – Братство Окурка же. Даже Лаки, хоть и центровая, а все равно своя, окурковская, как и Балалай. Я вот типа Леголас...

– Ты страшный, что ядерный пиздец, Солёный, – перебила его Ирка и заржала так, что затмила своим смехом треск петард с улицы. – Какой из тебя эльф, нахуй? Из говна вылупленный?

– Ничо не знаю. Я типа Леголас, Дьяк вон Арагорн. Тоже вечно шарообится хуй пойми где.

– В политехе, в отличие от тебя, дурака, – рассмеялся я, делая глоток шампанского. Но Кир замахал руками.

– Да и похуй. Типичный Бродяжник. Жаба вон Гимли, Балалай – Боромир...

– Схуяли я Боромир?! – пьяно возмутился Олег, заставив смутиться Кира. – Он сдох вообще и никуя полезного не сделал!

– Блядь. Ну а кто ты тогда? – спросил он. Балалай привстал с пола, на котором сидел, пьяно улыбнулся и скромно ответил.

– Гендальф, конечно же.

– Какой из тебя, блядь, Гендальф, Олег, – фыркнул Кир. – Гендальф чурок не пиздит по пьяни.

– Гендальф, и не ебёт, – отрезал Балалай и снова уселся на пол.

– Ну и хуй с тобой. Значит, Гендальф, – Кир запнулся, посмотрев на наших девчонок и снова тушевался.

– А девок в братстве не было, – ехидно заметила Ирка.

– А у нас будут. И точка. Кто не согласен – тот идет нахуй.

– Заебал, согласны, – затараторили все, лишь бы Кир наконец-то заткнулся. – Братство Окурка, выпьем!

– И фоткаемся, пока фотоаппарат не раздолбали, – добавила Лаки, вытаскивая из сумочки свой «Кодак».

«Братство Окурка. 2001», гласила подпись замазкой на фотографии. Тогда мы еще не знали, что преподнесет нам жизнь. Мы были молоды, пьяны и наполнены светлыми ожиданиями.

ями. К сожалению, нашлось место и тьме. Но тогда мы этого не знали. И просто веселились, как умели.

Глава вторая. Не такие, как все.

Модно быть не таким, как все. Ходить с пафосным ебалом, кривиться при звуках попсы или шансона из раздолбанной колымаги, пролетающей с визгом и вонью по проспекту. Смотреть, как на говно на всех, чьи взгляды и мировоззрение отличаются от твоего. Да, сначала мы были такими.

Протест всему, что не по-твоему. Протест родным, протест бывшим друзьям, протест системе, протест ради протеста. Потому что круто быть не таким, как все. Но изначально мы были обычными неформалами и лишь после знакомства с Балалаем заразились от него вирусом «протеста».

– Нефор лучше цивила. И это, блядь, факт! – горячо сказал он, когда мы собрались у Ирки дома и под негромкий шелест «Арии» гоняли чай, не зная, чем заняться. – Вы зацените то, что слушают цивилы. Это же хуйня на постном масле. Тексты говно, музыка убогая. Ни смысла, ни энергии.

– О, да. То ли дело метал, – фыркнула Ирка, переключая на начало в двадцатый раз «Беспечного ангела».

– Ага. У «Каннибалов» тексты вообще пиздец, – поддакнул я, но Балалай зашипел и замотал башкой.

– Да у «Каннибалов», блядь, душа есть. Они нарезают то, что им самим нравится. А эти, блядь... «ути-пути-хуй-поймути» или очередная рвущая глотку поебень про зону. Весь смысл попсы в том, чтобы срубить бабла. А метал изначально был наполнен протестом. Чуваки писали то, что хотели, и играли то, что хотелось играть. И похуй на лейблы, похуй на мнение каких-то припизднутых говнарей. На все похуй, кроме своих убеждений.

– Чот ты опять в свой нацизм сваливаться начал, кажись, – бросил Жаба, и мы его подержали. – Разве не похуй, кто там и что слушает. Если тебе по кайфу, то на остальных насрать. Не?

– Не, – передразнил его Олег. – Ту залупу, что из ящика и радио орет, любой дегрод за пять минут сочинить сможет. А вот попробуй сочинить что-нибудь по типу «Necrophagist». Да у тебя мозги в узел свернутся и слюна из ушей потечет. Потому что в музыкальном плане «Necrophagist» сложнее хуйни из ящика и созданы не для зарабатывания бабла, а для души. Я чо, зря в музыкалку что ли ходил? Не нравится вам сравнение метала с попсой, так сравните с классической музыкой. Да, там тоже хватало продажного блядства, когда пьесы писались исключительно за деньги, но композиторы и сами творили. И сочиняли такое, что до сих пор котируется миллионами.

– Короче, Балалай хочет сказать, что метал – он искренний, а попса и прочая хуйня – продажное говно, – хохотнул Кир.

– Везде можно найти продажное, как ты выразился, говно, – скривила личико Лаки. Кир улыбнулся в ответ и кивнул.

– Ну да. Не отрицаю. Но в метале этого все ж поменьше. Олеж, ты давай к сути, пока мы не оупели, – сказал он.

– К сути? – усмехнулся Балалай, обводя нас веселым взглядом. – Лады. Суть такова: целью жизни должен быть протест. Об этом говорит метал.

– А «Каннибалы» говорят, что надо кончать кровью и жрать кишки ангелов, – отмахнулся я. – Олег, ну серьезно, заваливай уже со своим протестом. Битый час одну пластинку долбишь.

– Не скажи, – сверкнул глазами Балалай. – Вот сам подумай, Мих. В чем души больше? В Круге или в «Darkthrone»?

– Сравнил хуй и палец, – рассмеялся я. Остальные тоже весело загалдели, но Балалай шикнул, и они угомонились. – Понятно, что в «Darkthrone». Они сами об этом говорят во

всех интервью. Только первый из каждого утюга звучит, а вторые известны кучке волосатых нефоров и только.

– А еще первый вынужден петь, а вторые с радостью это делают, – внезапно поддержала Олега Лаки. Тот хлопнул в ладоши и просиял.

– Ну хоть кто-то понимает, – улыбнулся Олег. – Ладно. Кто пойдет за бухлом?

– Жаба, конечно, – буркнула Ирка, взясь с плеером на компе. Жаба злобно на нее посмотрел, но перечить не стал и, поднявшись с дивана, сгреб в охапку кучку налика.

– Вот когда-нибудь прозреете и скажете: «Да, Балалай. Ты был небаца прав», – сказал Олег, когда мы, разомлев от съеденного и выпитого, развалились кто где по Иркиной квартире. – Увидите. Каждый волосатый приходит к этому осознанию.

И мы прозрели. Вернее, сделали вид, что прозрели. За всем этим пафосом и нетаковостью скрывались все те же обычные пацаны и девчонки с Окурка. Поначалу единственное, чем мы отличались от сидящих на кортках у подъезда ровесников, так это внешним видом. А внутри были все теми же.

Могли обматерить прохожего, доебаться до забредшего не в свой район, дать пизды соседу или нагрубить родителям. Но в чем-то Балалай все же оказался прав: отличия, хоть и порой незначительные, были. Из нашей компаки четверо после школы отправились учиться, а у Балалай за спиной была музыкальная школа, да и в музыке он шарил получше, чем Жаба. Соседские пацаны, в отличие от нас, ничем таким похвастаться не могли.

Живший на втором этаже Рак, впервые увидев меня в неформальском прикиде, выпал в осадок и замер на площадке, открыв рот. Его вечно мутные глаза совсем погасли, словно увиденное нанесло ему непоправимую травму. Я же настороженно стоял напротив него, гадая, что произойдет. То ли Рак доебется, то ли отодвинется в сторону и даст мне пройти. Второго варианта не случилось.

– Дьяк, а ты чо эт? – настороженно спросил Рак, когда к нему вернулся дар речи.

– Чо? – набычившись, спросил я, опуская глаза и осматривая свою майку с принтом «Каннибалов», черные джинсы и батины черные берцы. На боку поблескивала тяжелая цепь, которую я отрыл в кладовке. Осталась от бабкиной собаки, а папка так и не успел найти цепи применение. Зато я нашел.

– Нифер, типа? – с угрозой бросил он. – Хуль у тебя черти на груди какие-то?

– Тебе не похуй? – вопросом на вопрос ответил я. Рака я знал давно, и несмотря на грозный вид, он был внутри тем еще ссыкуном. Правда, последний раз мы дрались лет семь назад, но я почему-то был уверен, что Рак остался все тем же Раком.

– Ты чо такой дерзкий, а? – Рак сжал кулаки, но в драку кидаться не спешил. – Пизды давно не получал?

– Отъебись, – я легонько пихнул его в сторону, и Рак неожиданно легко отступил, словно толчок был куда сильнее. Его сплюснутая рожа перекосилась от ярости, а вытаращенные глаза вылезли еще сильнее из орбит.

– Попутал, нахуй?! – задохнулся он и, подскочив, замахнулся на меня. Но я легко ушел от его вялого удара и двинул в ответку ему в бок. Видимо, попал куда надо, потому что Рак скривился и, шумно выдохнув, осел на пол. Всего на пару мгновений, но мне хватило их, чтобы отстегнуть от пояса цепь. Рак, не замечая цепи, кинулся на меня и заревел. – Чмо, блядь! Ща я те...

Он не договорил, потому что я резко перекрестил его цепью по ебалу. Бледная кожа сразу пошла пятнами, и на ней выступили жуткие гематомы, а сам Рак рухнул на пол, заливая его кровью из разбитого носа и разбитой губы.

– Попутал, нахуй? – рявкнул я, передразнивая и снова замахиваясь на него цепью. Цепь, лязгая, дважды хлестнула Рака по спине, заставив того взвыть и закрыть руками голову. – До лохов на улице доебывайся, гнида, блядь. Черт ебаный!

– Хорош, слышь. Ёбу дал? – просипел он, но я уже и сам остыл. Пнув Рака в живот, я вернул цепь на место и, перешагнув соседа, поплелся на свой этаж. В висках шумело, сердце скакало, как безумное, но на бледных губах витала довольная улыбка.

Вечером ко мне пришли. Открыв дверь, я увидел на площадке наших старшаков. Рыка, Буру, Синего и Залупу, из-за спины которого выглядывал Рак. Я слабо улыбнулся, увидев, что его рожа опухла, один глаз заплыл, а нос неестественно свернут в сторону.

– Пойдем потрещим, – коротко велел Рык вместо приветствия. Хмыкнув, я пожал плечами, сунул ноги в шлепки и вышел на площадку, прикрыв за собой дверь. Но пацаны не стали вести разговор на виду у соседских дверей, и Рык мотнул головой, как бы приглашая, после чего пошел по лестнице наверх. Я знал, куда меня ведут. На технический этаж, где была лишь одна дверь, на крышу. Там пацаны курили, ебали баб, бухали и нюхали клей. Я покорно пошел за ним, а остальные потянулись следом. Только мне вот ни капли не было страшно. Я чувствовал себя правым, а еще знал, что Рык куда адекватнее своих дружков и пизды дает только тогда, как во всем разберется.

Рык здоровый, руки бугрятся мышцами, хотя он ни разу в жизни не работал и тяжелее хуя ничего не поднимал. Даже слово «качалка» было ему незнакомо. Жаба как-то сбрекнул, что дело в генетике, мол есть такие люди с развитой мускулатурой от природы. Рожа злая, набыченная. Глаза тупые и холодные.

Рык давно был старшим нашего двора, и его разве что только залетные не знали. Днем он отсыпался со своими друзьями у кого-нибудь на хате, а вечером выходил на промысел: гоповал в парке через дорогу, потрошил прохожих, доебывался до баб или, заняв технический этаж, ебал какую-нибудь счастливицу во тьме подъезда.

Среди его дружков выделялся только Залупа, который пристал к Рыку как банный лист и чем-то напоминал нашего Жабу. Вечно тьякал из-за спины, а когда дело доходило до разборок – сливался. Остальные были копией Рыка вплоть до прически – короткой стрижки под машинку с дебильной челкой, закрывающей лоб.

– Хуль ты Рака цепью осушил? – без лишних слов начал Рык, опершись об изрисованную хуями стену. Я снова пожал плечами.

– Он до шмота моего доебался, я пояснил, – коротко ответил я.

– Своих зашквар пиздить, Дьяк, – вздохнул Рык. Было видно, как ему похуй, но вожак должен решать такие вопросы. Все это понимали. – Чо словами не решили?

– Хуй знает, – буркнул я, исподлобья смотря на Рака. Он молчал в сторонке и голоса не подавал, как остальные. – Они кинулся, я ответил. А чо цепью? Так чтоб наверняка.

– Ну это правильно, – нехотя кивнул Рык. – Если глушить, то по серьезке. Рак сказал, ты типа в нефоры записался?

– Типа да, – нагло ответил я, понимая, что если сейчас не отстою свое мнение, то буду и дальше выхватывать. В том числе и от Залупы.

– Один? Или с кем-то? – пыливо спросил Рык, закуривая сигарету.

– Братаны есть, – кивнул я. – Солёного ты знаешь.

– Ага, знаю, – ответил Рык, паскудно улыбаясь. Он повернулся к молчащему Раку и добавил: – Повезло, что на Дьяка залупился, а не на Солёного. Тот бы тебя, дурака, вообще убил. Короче. У Рака к тебе предьява. Ответить придется. Как решать будем?

– Раз на раз давай, – бросил я, смотря на плоскую рожу Рака. Тот чуть подумал и кивнул.

– Раз на раз, – подтвердил он. Рык чуть подумал и сплюнул на пол.

– Вписываться будет кто за тебя?

– Не, я сам. Дворовые же. Тебе верю.

Рык улыбнулся в ответ и даже похлопал меня по плечу.

– Это правильно. По пацански. Чо, когда забиваетесь?

– Да хоть сейчас, – махнул я рукой. Но Рак протестующе замычал, заставив своих друзей заржать по-шакальи.

– Ему, блядь, месяц теперь в себя приходиться, – отсмеявшись, ответил Рык. – Короче, забьемся через месяц. Если Рак сочтет нужным, то предьяву отзовет. Добро?

– Добро, – кивнул я и, пожав протянутую руку старшака, спустился по лестнице к себе на площадку. До меня еще доносилось слабое мычание Рака, но его в какой-то момент перебил недовольный голос Рыка и звук пиздюлины. Все, как и всегда.

Но Рак предьяву не отозвал. Однако и раз на раз мы с ним так и не сошлись. Через две недели после этого разговора Рак получил пизды в драке с гопарями Речки. Получил сильно: ему пробили арматуриной голову, и остаток своей жизни Рак провел дома, пуская слюни и обоссывая инвалидное кресло, выданное ему местной поликлиникой. Когда умерли его родители, Рака увезли в какое-то спецучреждение для инвалидов, а квартирку быстро прибрали к рукам мутные люди. Проходя мимо мусорных баков, я еще долго наткался на большую фотографию сидящего в инвалидном кресле Рака с дебильным выражением лица и распотрошенную сумку с его обоссанными вещами, которыми побрезговали даже бомжи.

Нулевые начались сказочно. Количество «не таких, как все» росло в геометрической прогрессии. Мы, сидя на лавочках в парке, то и дело видели пестрых сверстников: рэперов, в мешковатых штанах и балахонах с Тупаком и Ониксом. Алисоманов и киноманов, выползших из прокуренных квартир и набравшихся смелости. Пиздюшню в черных балахонах «Scooter» и «Prodigy». Обвешанных значками и нашивками девчат. Вылезли на улицы скины и первые хулсы. Гораздо позже на улицах появились и другие: любители альтернативы, эмо и прочие однодневные хуеплеты.

Быть не таким, как все, стало модным. За свои увлечения полагалось пиздиться со всеми несогласными и презирать их так сильно, насколько позволяла собственная ненависть. Забавно, но на Окурке даже рэперы и пиздюшня в балахонах «Scooter» могли за себя постоять. Если ты в чем-то выебывался, то был обязан пояснить за свои увлечения. А если не мог этого сделать, то становился цивилем, который украдкой слушает любимую музыку дома и одевается исключительно в то, во что и подавляющая часть обитателей нашего города.

– Им надо как-то выделяться, – бросил как-то Балалай, когда мы сидели в парке на лавке втроем: я, он и Лаки, и пили холодненькое разливное.

– Угу, – поддакнула Лаки. – Когда в жизни серость, хочется её разбавить чем-то ярким.

– Черным викторианским платьем и белой пудрой? – съязвил Олег и, получив кулаком в плечо от Ольки, рассмеялся. – Да я стебусь, забей. Но ты права. Ты погляди, где мы живем. Идешь по улице, а вокруг пиздец. Серые коробки с пустыми окнами. Ебущиеся в кустах бомжи и ширяющиеся дурью нарки в подъездах. Гопота и лужи из слюней. Дрянь и грязь ебаная. Вот и ищешь чего-то другого, отличающегося от привычного. Наша компашка на Речке пока собралась, года два прошло, кажется. Хули вылупился, обезьяна?!

Последнее относилось к смуглому пацану в широких «трубах» и в балахоне с логотипом «Опух». Пацан было остановился и сунул руку в карман, но увидев, как мы с Олегом поднялись с лавочки, передумал и, ругнувшись сквозь зубы, быстро потопал дальше.

– Пиздуй, пиздуй... Заебали, – выругался Балалай и закурил сигарету. – Напялят свои негритянские штаны и ходят, словно обоссались.

– Напялят свои черные шмотки и ходят, словно мизантропы, – передразнила его Лаки. Олег улыбнулся и кивнул.

– Не без этого, сестренка. Но я по крайней мере могу пояснить за шмот, а зверек этот скорее всего окромя «Оникса» своего нухуя и не слушал, если и его слушал хотя бы. Позеры ебаные.

В моем дворе тоже было полно пёстрых «не таких». Большинство я знал еще с детства, поэтому спокойно относился и к штанам-трубам, и к бомберам, и к фирменной чёлке, закры-

вающей лоб. С кем-то я просто здоровался, а с кем-то даже дружил, несмотря на явное различие. С Нафаней, например.

Макс Трубин. Некогда типичный гопарь, который, как и все его собраты, тусил во дворе или парке, доебывался до прохожих и залетных, бухал и не работал. Все поменялось в один момент. Когда Макс добрался до качалки, которая находилась в подвале через два дома от моего. Рыхлый Макс, еле вылезший из дома на следующий день, однако снова поплелся в качалку. А потом поймал кайф и стал наведываться туда постоянно, пока не оброс мышцами и новыми убеждениями.

Так получилось, что в качалке тусовалось много разного народу. Мужики на массе, которые тягали ебунячие веса, пердели и крыли хуями политиков. Гопари с худо-бедно работавшим мозгом, которые набирали массу, чтобы влиться в чью-нибудь бригаду и зарабатывать хорошие деньги. Подснежники, приходившие на месяц и исчезающие с концами. Скины и нефоры. И такие, как Макс, которым просто нравилось тягать железо.

Со временем Макс втянулся и лучше познакомился с обитателями качалки. Но особенно сдружился лишь с одним. С Казаком, которого иногда называли Косой Казак, потому что его левый глаз постоянно норовил закатиться за переносицу.

В перерывах между подходами и во время страховки Казак медленно, но верно захламлял голову Макса националистическими идеями. Говорил об оборзевших чурках, которые лапают наших баб. О спившемся поколении молодых, которые не могут защитить свою родину и с радостью хавают то, что выдают негры. Макс поддакивал и постепенно привыкал к тому, что ему говорят, сам не понимая, что промывка мозгов идет бешеными темпами. А потом он просто пропал.

Я встретил его через полгода, когда возвращался домой из универа и качал головой в такт музыке, орущей в наушниках. Макс сидел на лавочке у подъезда, и поначалу я его не узнал: пропал его привычный спортивный костюм темно-синего цвета и белые кеды-манежки, Макс вытянулся и заматерел, а глаза, раньше просто злые, сейчас смотрели на мир осмысленно злобно. Тем не менее, меня он поприветствовал тепло. Я же, улыбаясь, без стеснения рассматривал Макса. Одет он был в узкие серые джинсы, надраенные кремом берцы и черный бомбер с головой питбуля на груди.

– Здорово, Миха, – улыбнулся Макс, и я улыбнулся в ответ. В детстве мы часто гоняли вместе. То в догонялки, то в футбол или прятки. Даже будучи гопарем, Макс никогда до меня не доебывался, в отличие от Рака и остальных.

– О, привет. Куда пропал? – с места спросил я, присаживаясь рядом и доставая сигареты из кармана. Макс взял одну сигаретку и, закурив её, задумчиво прищурился.

– В лагере был, – коротко ответил он. Я нахмурился.

– В смысле? Сидел что ли?

– Не, – рассмеялся он. – В спортивном лагере. «Русь Святая» называется. Пацаны из качалки создали, мы туда на полгода поехали, чтобы на природе заниматься и просвещаться. Слышал о таком?

– Не-а, – мотнул я головой. – О других слышал. Бритых сейчас на районе много стало.

– Да то ебланы, – ругнулся Макс. – Нормальных бригад раз-два и обчелся. Остальные по беспределу живут, как звери.

– А вы? – усмехнулся я. Макс было напрягся, но потом выдохнул и даже сподобился на улыбку.

– Пиздец ты дерзкий, Дьяк, – покачал он головой, но тон был веселым. – Мы не беспределом. Проводим работу со школьниками, об истории рассказываем, на слеты гоняем. Лагерь вот свой в области открыли. Если надумаешь, залетай...

– Не, не. Я в национализм не лезу, друже, – ответил я. Макс чуть подумал и кивнул.

– Но приглашение в силе. У нас серьезная бригада, смотри. Слышал, на той неделе замес был с чурками в центре?

– Вроде да, – кивнул я. – Типа ресторан там чей-то спалили.

– Угу. Оборзели вконец. У Шустроого... пацан наш, там бабу обидели. Чурки доебались и чуть в подсобку её с подругой не затащили. Совсем охуели, прикинь. Ну мы с братьями и ответили, – ответил он. Я промолчал, припоминая подробности. Пятерых увезли в реанимацию, и еще десяток гостей пострадали от огня. – Сейчас вот Шаман, старшак наш, думает в политику идти. Говорит, что харэ детской хуйней заниматься. Надо на верхах вопросы решать.

Макс говорил с жаром человека, которому мозги промыли не один раз. И с каждым словом улыбка на моем лице становилась все более растерянной. Это уже не подростковая банда получается, а серьезная организация, как Макс и говорил. Балалай тоже баловался национализмом, но он, по крайней мере, просто пиздел. А Макс в эту тему вписался конкретно.

– Ты не ссы, – улыбнулся Макс, заметив на моем лице испуг. – Мы волосатых не трогаем. Наоборот, Шаман говорит, что вы нам братья тоже. Рэперов да, пиздим, бывает. Потому что негров любят. Панки тоже свои пацаны. Ну и гопоту оборзевшую порой приструниваем. Ты залетай, не стесняйся. У Шамана дома собрания проводятся. Обсуждаем там всякое интересное. Друзей приводи.

– Я подумаю, Макс, – тихо сказал я, смотря на него.

– Заебись, – снова улыбнулся он. – Синий дом. На соседней от Солёного улице. Скажешь, что от Нафани пришел. Пустят.

– Нафани?

– Ага. Пыга моя. Ты пацан свой, правильный. Поэтому и зову.

– Я подумаю, – вздохнул я и, поднявшись, пожал Максу руку. – Бывай, друже.

– И ты не теряйся, – усмехнулся он, провожая меня взглядом.

– Ебанина какая-то с людьми творится, – буркнул Балалай, когда мы вечером сидели на промке втроем. На камне стояли две сиськи холодного пива, лежала общая пачка сигарет и две раскрытые пачки сухариков со вкусом сыра, вонявшие прокисшими носками.

– Не вижу ничего ебанутого, – ответил я, делая глоток пива. – Человеку надо к кому-нибудь прикантоваться. Вот и ищут группки по своим увлечениям. Ты вот к нам пристал, а Макс к скинам.

– К вам я пристал потому, что у вас мозги нормальные. А ему промыли, – не сдавался Балалай.

– Блядь, Олежа, – вздохнул Кир, массируя виски. – Иногда мне кажется, ты спецом нам мозги ебешь. То, блядь, хорошо, что все разные, то плохо. Определись уже. А то такое ощущение, будто тебе похуй против чего протестовать. Как панк с Речки, в натуре.

– Не без этого, – улыбнулся Олег. – Я к тому веду, что хорошо, когда ты сам до выбора дошел, а не тебя заставили его сделать. Вот Нафания эта, Дьяков кент, не сам попал. Его туда как телка потащили, а он и рад. Я, блядь, этих сектантов на раз чую. Можно, конечно, ради фана туда запереться, но все слишком предсказуемо. Будет пиздеж про чистоту расы, поорут маленько, за усатого выпьют и разойдутся. Дадут чуркам пизды на выходных и довольны. Промытые, блядь. Душой в это верить надо, тогда и толк будет. Вон Дьяк чо, послушался его? Хуй там плавал. Дьяк послушал и забил болт, потому как Дьяку на это похуй. Он металом живет и его принципами.

– Не, Макс пацан нормальный. Просто не очень умный, – хмыкнул я. – Он и к гопарям почему притусовался? Проели ему плешь пацанской романтикой своей, он и повелся. Сейчас то же самое происходит. Но это его выбор, не наш. Так что нечего на пацана пиздеть. Пейте пиво уже, пока холодное.

Но сделанный выбор всегда предстояло отстаивать. В универе на меня мало обращали внимания, потому что волосатых там было много и преподы привыкли. А вот на Окурке

частенько критиковали. Гопота, не понимавшая, зачем носить длинные волосы, пробивать уши и одеваться во все черное. Цивилы, косо смотрящие вслед, когда ты проходишь мимо. Они, в майках-алкашках, с огромным пивным пузом, неодобрительно ворчали вслед, а потом тащили своих личинок дальше – к киоску с холодным разливным. Себе пиво, пиздюку мороженое или сушеную рыбу, чтобы не заебывал по пути домой и не спалил перед мамкой.

– Здрасьте, – улыбался я бабушкам-соседкам, которые, казалось, всю свою жизнь провели на лавочке у подъезда.

– Здравствуй, Миша, – елеино улыбались они, и одна обязательно спрашивала: – Как там мама? А ты как? Учишься? Ну, молодец, молодец...

– Совсем дурной стал, – шептала она, стоило мне только войти в подъезд. Я, ради веселья, всегда выкуривал еще одну сигарету на площадке между вторым и третьим этажами, где находились почтовые ящики и можно было без риска запалиться подслушать, о чем пиздят бабки. А они, не ведая, что их слышат, перемывали мне кости. Кир, который иногда захаживал ко мне, тоже порой любил остановиться между этажами и послушать о себе свежие сплетни.

– Нехристь! – сплевывает на асфальт баба Рая из соседней с моей квартиры. – Отец остыть не успел, так он пить начал. Машка бедная на себе лодыря тянет, а он учится. Ха. Учится, как же. Видела его с друзьями. Шляется весь день по двору, ищет, где бы выпить взять.

– Рожа еще чернющая, глаза злые, – шамкает третья старуха, баба Алла. Зубы ей выбил родной внук, но она один хуй в нем души не чает. – Женечка вон говорит, что он с друзьями провода воруют с завода. На то и кормятся, значит.

– Ой, Женя – хороший мальчик. Всегда здоровкается, – кивает баба Катя, самая говорливая и авторитетная из бабок. Остальные сразу затыкаются, как она рот открывает.

– И друзья его уважают, – гордо говорит баба Алла. Она не знает, что Рык, её внук, трясет школьников на деньги и несколько раз ебал бомжиху в подъезде, будучи в говно. – В рот ему смотрят.

– А энтот, – продолжает баба Катя, – порченный. С детства еще злодеем был. То лампочки в подъезде побьет, то в двери звонит бегают. А сейчас вон ходит, глазюками стреляет. «Здрасьте», говорит, а у самого рожа ублюдская-то...

– Лицемерки ебаные, – улыбаюсь я и, затушив сигарету в банке, наполненной слюнями и раскисшими бычками, поднимаюсь на свой этаж.

Понятно, что тема снова всплыла тем же вечером в нашей компашке. Кир проставлялся за днюху, и мы сидели у него дома, объевшиеся и слегка пьяные. Я пересказывал разговор бабок, а Лаки с Ирккой смеялись так, что Кирова бабка пугалась и громко пердела в своей спальне.

– Да ладно, открыл Америку, – вытерев глаза, ответила Ирка. – Тут в кого ни ткни, обязательно такую же историю расскажет.

– Факт, – вальяжно протянул Олег, развалившийся на диване. – Ща уссытесь. Наши бабки в Круглом и Длинном души не чают, а я вот еблан по их мнению.

– Факт, – передразнил его Кир, за что чуть не удостоился дружеского подзатыльника. – Те ж Богом тронутые, а ты ебанько намеренный.

– Угу, – кивнул Балалай. – И это неслабо удивляет, братка. Иду я тут, значит, домой. Ташу родакам и этим двум дегродам жратвы в пакете, а бабки у подъезда обсуждают, как застучали Длинного дrouchим на входную дверь Аньки. Ну, шалава наша местная. Типа только с денежными мужиками ебется. Длинный себе в башку вбил, что она его любит без памяти. Оборвал кусты у второго подъезда, цветочков набрал, значит, и к ней в гости. А там Анькин ебарь, злой, как черт.

– И? – выдавил из себя пунцовый Кир, готовый заржать.

– Хули «и»? – пожал плечами Олег. – Выскочил он на площадку, вырвал цветы у Длинного и отпиздил его ими же. Ладно б дегрод нормальные сорвал, так нет. Розы притащил. В

итоге бабка, что его спалила, рассказывает. Идет, мол, по лестнице и слышит, как наверху плачет кто-то, жалостно так. Поднимается, а там Колян с ебалом расцарапанным и площадка вся в розах. Стоит, блядь, плачет и дробит на дверь...

Мы перебили Олега громовым хохотом, да он и сам не удержался. Заржал во всю мощь легких и только хорошенько отсмеявшись, продолжил:

– Короче, увела бабка Коляна к себе домой, пока мамка где-то шлялась. Так дегрод не придумал ничего умнее, как продолжить дробить. А кончину бабкиным Федором вытер. Котом ее старым. И чо? Лапушка и зайка по мнению бабок, как и старший. Зато я, блядь, злодей, хотя крысам этим старым ничего плохого не сделал. Ладно, наблевал пару раз в подъезде по пьяни, но убрал же все за собой. Хуй их логику кто поймет.

– Классика, хули там, – кивнула Ирка. – Дьяка свои бабки песочат, меня свои. Только всегда за глаза. Мол, мы с мамкой отца до ручки довели. Отощал, бедный, лупим его до одури и деньги отнимаем. Сами в глаза долбились, когда мамка его по двору гоняла за то, что зарплату пропил. Гопоту, кстати, редко трогают.

– Потому что им плевать, кому пиздюлину отвешивать. Бабке или очередному волосатому, – буркнул Жаба. Ирка поджала губы и кивнула, соглашаясь с ним.

– Ну да. Я в последнее время молча прохожу и ни с кем не здороваюсь, – продолжила она. – Один хуй, как обсирали, так и будут обсирать. Порой кажется, что делают это из-за того, что я с волосатыми трусь.

– Брось, – поморщилась Лаки. – Бабки у подъезда такие существа, что кости мусолить будут всем. И ботанику, который со скрипкой из музыкалки идет, и хулигану с разбитой рожой и опухшими кулаками. Им надо хоть о ком-то сплетничать, иначе смысл жизни теряется.

– Тебя тоже обсуждают? – ехидно спросил Жаба. Олькин взгляд похолодел, но голос остался таким же отстраненным.

– Нет. Папу боятся, – улыбнулась она и поправила челку, закрывшую правый глаз. – Просто смиритесь. Нас всегда будут обсуждать, но будут и те, кому плевать. Вот это факт. Чем ты сильнее выделяешься, тем больше внимания привлекаешь.

– Лаки права, – вздохнул я, с громким «чпок» открывая очередную бутылку пива. – Похуистичнее надо быть, и все. Доебался кто – ответь. Брешут как собаки – пройди мимо. С другой стороны, сами знали, на что шли, когда меняли стиль. Не такой, как все? Отвечай, раз не такой.

Но тогда я лукавил. Меня все же задевали чужие слова, будь то доебы гопарей или собачья брехня бабок. Похуизм пришел спустя время. К каждому. Тогда-то и стало плевать, кто там и что думает о тебе. Важнее то, кто ты сам.

Глава третья. Лялька и «Каннибалы».

В августе 2004 мы с компашкой сидели в тихом уголке промки, о котором никто не знал, пили пиво, обсуждали свежие релизы метал-сцены и просто болтали обо всем на свете. Размеренность и уют разрушил Балалай, ворвавшийся в струящуюся спокойной водой беседу ебучим ураганом и напугавший до одури разомлевшего от выпитого Жабу.

– Олег, тебя когда-нибудь кондрат ёбнет, – буркнул он, поднимаясь с земли и вновь усаживаясь на кривое бревно.

– Тогда я его сам ёбну, – отмахнулся Балалай и, припав к сиське пива, выдул почти половину. Когда он отдышался, то, загадочно улыбнувшись, добавил: – Короче. Вы не поверите, кто в Москву приезжает.

– Кобзон, – тут же ответил я. – Лучшее из семидесяти пяти нечетных альбомов. Мировое турне.

– Еблан ты, Миша, – рассмеялся Олег и тихо добавил: – «Каннибалы» в сентябре, прикинь?

– Да ладно?! – охнул я, проливая пиво и роняя на траву пачку сухариков. На ворчание Жабы, которому тоже досталось, я не обратил внимания. Ирка с Олькой, переглянувшись, лукаво вздохнули. Да, о моей любви к «Каннибалам» им было известно все.

Вместо ответа Олег вытащил свежий номер «Dark City» и, развернув его, сунул мне в руки. Глаза сразу же углядели любимцев, и я расплылся в улыбке, увидев афишу предстоящего концерта. От глянцевого журнала пахло сладкой типографской краской, Жаба, алчно облизывая губы и склоняя голову, пытался разглядеть обложку, а я пялился на мрачных brutальных мужиков и глупо улыбался.

– Ну, чо? Едем? – буднично спросил Кир, закуривая сигарету. – По любому мясо будет.

– Не сомневайся, – кивнул Олег, снова прикладываясь к пиву. – Так и знал, что Дьяк обоссется от радости.

– Угу. Сам бы обоссался, приедь твои In Flames хоть куда-нибудь, – парировал я, продолжая любоваться афишей. – Сука! Надо деньги искать. И билеты как-то купить заранее. Наверняка разберут сейчас. Блядь, знал бы, не тратился в начале месяца на шмот.

– Знал бы, кого выебать, гондон бы напялил, – изрек Балалай и недовольно крикнул, когда Кир вырвал у него из рук почти пустую сиську пива. – Э?

– Не борзей, демон, – бросил Кир. – Тут еще дамы не пригубили, а ты уже высадил все. За это попиздуешь за добавкой... Нет, не обсуждается. Чеши давай, баклан! Как бухать, так он первый, а как сходить в киоск, сливается. И нечего на Жабу смотреть. Он отходил свое.

– Дуй давай, – поддакнула Ирка, и Олег, тяжело вздохнув, взял деньги и направился к забору.

– Журнал не облюнявьте. Я не читал еще, – сказал он, прежде чем проскользнуть в щель, еле заметную в густых сорняках по поясу. Вслед ему тут же полетела пустая бутылка из-под пива и, вяло прошуршав, застряла в траве.

– Поездка дорогой выйдет, – вздохнул я, отдавая журнал Жабе. Тот сразу раскрыл раздел писем и принялся разглядывать полуголых баб в рубрике «Мисс Dark City». Ирка с Лаки подсели ближе и включились в разговор.

– Ну, хуй знает, братан, – ответил Кир. – А вдруг Фишер сдохнет через месяц после концерта или Уэбстер от алкашки кони протянет? Есть возможность, надо ехать.

– Я не смогу, – поджала губки Лаки и, виновато улыбнувшись, добавила: – Учеба. Плюс папе обещала с ремонтом помочь.

– С ремонтом? – нахмурился Кир. – Типа, обои клеить и плитку ложить?

– Класть, – поправила его Ольга и рассмеялась. – Не. За рабочими приглядывать. У него весь сентябрь встречи, а мама в санаторий едет.

– Я папку потрясу. Или мама из заначки даст, – хмыкнула Ирка, беря у Кира пачку и вытаскивая сигарету. – На билет наскребу, а вот на поезд... Хуй его знает.

– А сколько ехать? – отвлекся от чтения журнала Жаба.

– Часов шестнадцать-семнадцать.

– Да хуй с ним, – ругнулся Кир. – Разберемся с поездом. Надо билеты купить сначала на концерт. Кстати, Жаб. Ты платишь.

– Схуяли? – поперхнулся тот, но когда Кир недобро улыбнулся, поник.

– Ты мне косарь торчишь. Забыл? – вопросом на вопрос ответил Кир. – Пришла пора отдавать должок. Купишь мне билет, и в расчете. Я ща на мели, как и Дьяк.

– Угу. Только я тоже походу в пролете, – буркнул я, закуривая сигарету. – К мамке не пойду, ей и так тяжело. Аванс мне не дадут больше.

– Я одолжу, – сказала Лаки. – Вернешь, как сможешь.

– Спасибо, Ольга! – радостно крикнул я и, притянув её к себе, смачно чмокнул в щеку. Глаза Кира снова недобро блеснули, но он расслабился, когда я отпустил Лаки. Та утерла щеку и рассмеялась.

– Не за что. Вы лучше подумайте, как до Москвы доберетесь, – ответила она. Мы знали, что Ольга была при деньгах, но у нее никто никогда не просил. Она сама решала, стоит ли дать или лучше промолчать. Сегодня мне определенно повезло. Щедрой Лаки была крайне редко.

– Хуль тут думать, – подключился подошедший с пивом Олег. Он уселся на бревно, толкнув боком Ирку, и тут же получил в ответ затрещину. Отодвинувшись, он косо посмотрел на подругу, но в итоге улыбнулся и сложил ладошки вместе, прося прощения. – Надо два места купить, а остальные зайцами. Сто раз так с пацанами гоняли. В плацкарте вообще всем похуй, билеты и не смотрят.

– А на входе? – ехидно поинтересовался Кир. – Ща пускают только по билетам, а про-вожающих секут.

– Говно все это, я тебе говорю, – отмахнулся Олег. – Покупаем две верхних у толчка...

– Фу, блядь. Там же противно.

– Ничего, потерпишь, – перебил Балалай Жабу. – Либо плати сам за всех. Не? Вот и не пизди почему зря. Короче. Покупаем два верхних у толчка. Туда даже контролеры редко суются. Билеты покупаем, к примеру, Ирке и Киру...

– А остальные? – улыбнулся я. Олег часто давал ебанутые идеи, но эта вроде бы должна сработать.

– Все будет, братка. Потерпи. Ирка и Кир самые крупные... Ай, блядь!

– Крупные? – рыкнула Ирка, двинув Балалаю в плечо. Тот переполз ближе к ржущему Киру и надул губы.

– Я тут, бля, план придумываю, а меня лупят. В пизду. Сами решайте, как вам ехать.

– Харош! – рявкнул Кир. – Выкладывай.

– Ирка и Кир с билетами. Жаба заходит их проводить и остается в поезде, – продолжая дуть губы, ответил Олег. – Засунете его на багажную полку, или где матрасы лежат. Закроете, и все. Хуй его там кто увидит. Он же мелкий. Дрищ почти.

– А мы? – спросил я.

– А мы на Авдеевке подсядем. Московский поезд как раз там тормозит на пятнадцать минут. Солёный проводнику тормознет, а мы войдем. Типа, пассажиры. Залезем на багажную полку, если Жаба в матрасах ныкаться будет, а Ирка нас сумками прикроет. Свезет, и мы в Москве. Обратно уже поменяемся. Или не поменяемся, – поправился Олег, увидев под носом кулак Кира. – На крайняк можно по вагону рассосаться и подсесть к другим. Типа мы с ними едем. Вряд ли сонная проводница билеты трясти будет.

– А если не сvezет? Если выгонят вас нахуй? – ехидно спросил Кир.

– Билеты на концерт вам отдадим. У клуба загоните опоздавшим, – быстро ответил Олег, будто сто раз делал.

– Ну, доля истины есть в его словах, – сказала молчавшая до сих пор Лаки. – Если другого варианта нет, то можете попробовать.

– Хуй с ним, – решил я. – Была не была.

– Ну и заебись. Давайте выпьем, – радостно оскалился Олег, поднимая над головой сиську с пивом. В этот раз ее отбирать не стали. Кир решил, что Балалай точно заработал себе на выпивку.

На удивление план Балалая худо-бедно работал. Кир с Ирккой сели в поезд семнадцатого сентября вечером. Жаба, одетый максимально просто, был «проводятым», как и мы. Мы с Киrom, дойдя до конца вагона, удивленно переглянулись. Места под матрасы не было. Они лежали свернутыми на багажных полках у потолка.

– Блядь. Я забыл, что выемка-то в купейном вагоне, – поморщился Олег. – Ладно, похуй. Пробуем. Скидывайте матрасы и прячем Жабу, пока народ не подтянулся.

Подтянувшийся народ в лице усатого усталого мужичка удивленно наблюдал за тем, как мы старательно прячем Жабу на багажной полке. Он хотел было задать вопрос, но Кир, метнувший в его сторону недовольный взгляд, заставил мужичка выдохнуть и усесться на свое место.

– Готово, – пыхтя, сказал он, оглядывая полку. – Мих, глянь из коридора, не сильно палится?

– Не, все нормально, – ответил я, с нескольких ракурсов пытаюсь разглядеть Жабу. Естественно, я его видел, но старался смотреть, как проводник. – Ногу подтяни, братан.

– Норм? – глухо ответил Жаба и затаился, когда я кивнул.

– Провожающие, выходим, – замученная жизнью проводница с отвисшей до пупка грудью лениво проверила билеты Кира и Ирки и мотнула головой в сторону выхода. Мы с Олегом подмигнули друзьям и покинули вагон. И спустя минуту неслись на всех парах к соседнему перрону, откуда отходила собака (электричка) в Авдеевку. Поезд Кира и Ирки (и спрятавшегося Жабы) отходил только через пятнадцать минут, поэтому времени у нас было с запасом. Главное не опоздать на собаку.

Мы влетели в собаку как раз вовремя. Двери с бешеным стуком закрылись, чуть не отхватив Балалаю ногу. Он повалился на меня и заржал. Я тоже не сдержал смех. Но веселье прекратила тетка в оранжевой жилетке, вошедшая в тамбур.

– Билеты, молодые люди, – проскрипела она, обдав нас с Олегом вонью нечищенных зубов и чеснока.

– Забыли, тетенька, – честно сказал Балалай, придавая своему голосу знаменитую хрипотцу, от которой текли дамы всех возрастов. – Едем к маме домой. В Авдеевку. Боялись опоздать и бежали со всех ног. Лекарства вот везем...

– Ага, – поддакнул я, когда Олег вытащил из кармана упаковку димедрола. Но тетка лишь скучаяще скользнула по ней взглядом.

– Ладно, – нехотя бросила она. – Лень вами заниматься. Увижу, что едете дальше Авдеевки, пизды дам.

– Не, тетенька. Мы выйдем. А пока тут постоим, – ележно улыбнулся Олег. Я тихо рассмеялся, когда тетка ушла. Пока все шло, как по плану.

В Авдеевке мы простояли десять минут на перроне, пока не пришел московский поезд. К тому моменту мы с Олегом переоделись в привычные нефорские шмотки и ждали, когда Кир отвлечет проводницу. Солёный не подкачал и, закурив, принялся втирать полусонной бабе что-то умное, проникновенно заглядывая в глаза и закрывая спиной нас, осторожно пробирающихся внутрь. Кир дождался, когда мы войдем в вагон, и наконец-то отлип от проводницы,

которая, кажется, только рада была, потому что счастливый вздох, наверное, услышал весь состав.

– Лезь вверх! – прошипела Ирка Олегу, стоя на стреме в проходе. Спящие люди на нас никак не реагировали. Только усатый мужичок-сосед гневно шевелил усами и поблескивал глазками со своей полки. Олег только успел спрятаться и закрыться сумкой, как в секцию влетел встревоженный Кир.

– Шухер, баба сюда идет.

– Блядь, – выдохнул я, морально готовый сдаться. Но мои друзья решили по-другому. Кир быстро размотал матрас на свободной полке, а Ирка пихнула меня на место и накрыла сверху одеялом.

– Молчи! – снова прошипела она, и я затаился. Чуть позже послышался шорох и знакомый голос проводницы, звучащий глухо.

– Поезд отправляется, – скучаяще произнесла тётка. – Все на месте?

– Ага, – ответил ей Кир. – Покурили у поезда, и все. Куда тут ходить? Глушь же.

– Глушь не глушь, а зайцы бывают, – туманно сострила проводница и спросила: – А это кто лежит?

– Так вы в Москве еще билеты проверили. Дембель вроде, – нагло соврала Ирка. Я почувствовал её бедро. Не иначе подруга закрывала меня, как и Кир. – Он уснул сразу. Сказал не будить до Москвы.

– Так это... – раздался незнакомый голос, и я услышал, как Кир проворчал что-то ругательное. – А хотя не... показалось.

– Показалось, – буркнула проводница и громко повторила: – Поезд отправляется, кто отстал, домой пешком идет!

– Показалось тебе, пидор? – зло бросил Кир, когда тётка ушла. Я понял, что он обращался к усатому мужичку. Тот, видать, захотел быкануть, но увидев рожу Солёного, передумал. – Сиди, нахуй, тихо, а то я тебя ебну и в сортире на рельсы спущу. Гондон, блядь. Тебя колышет, кто там и что? Нет? Вот и съебись!

– Совсем молодежь распоясалась, – проворчал мужик и заткнулся. Я пролежал еще полчаса под одеялом, прежде чем мне разрешили вылезти.

– Ну все, – усмехнулась Ирка, доставая из сумки бутылку водки. – Едем.

– А верхней полке? – оживился Балалай, услышав бульканье.

– А верхняя полка хуй сосет, родной, – пропел Кир. – Лежите там. Вдруг тётка опять решит пройтись.

– Ну стакан хоть! – возмутился Олег, и его поддержал Жаба, который наверняка весь затек и сейчас безумно хотел размяться.

– Ладно. Дай им малость, – разрешил Кир и хлопнул меня по плечу. – Ну, вроде все получилось.

– Угу. Теперь бы не спалиться, – я кивнул в сторону нахохлившегося мужичка, но Кир махнул рукой.

– Забей, братан. Он вякнуть не успеет, как я его вырублю, – и показал мужичку кулак. Тот шмыгнул носом, проворчал что-то под нос и, отвернувшись, сделал вид, что уснул.

Ночью мы еще несколько раз прятались от проводницы, когда поезд делал остановки. Пожалев Олега и Жабу, я занял их место на багажной полке, а они перебрались к друзьям вниз. Хозяин нижней полки так и не появился, но оно и понятно. У толчка ехали только те, кому кровь из носа надо было попасть в пункт назначения и других мест не было.

В итоге, выпив свою порцию водки, я блаженно уснул наверху, укутавшись в сумки и косяки друзей. А когда проснулся, скрюченный, с затекшими конечностями, то увидел широкую улыбку Кира, чье уродливое лицо светилось радостью.

– Москва, братка. Доехали, – хмыкнул он, помогая мне спуститься.

Теперь мы не прятались от проводницы. Незачем было. Остановок до Киевского вокзала не предвиделось, останавливать ради нас поезд никто не собирался, да и сама проводница наверняка давила ухо в своей каморке, забив хуй на пассажиров, которые потихоньку начали собираться.

Ирка с Жабой устроили рейд по вагону, собирая остатки еды, и скоро мы спешно завтракали половиной вареной курицы, растекшейся жирной колбасой и холодными вареными яйцами, которые Кир спиздил у нашего усатого соседа, пока тот спал. От выпитого немного шумела голова, но я был рад. Мы в Москве, вечером концерт, а впереди целый день, который можно провести с друзьями.

– Чо, куда пойдём? – спросил Олег, когда мы доели курицу и лениво прихлебывали горячий чай из пузатых стаканов. – Концерт по идее в семь вечера.

– А где? – спросил я, покраснев.

– Ну даешь, – хмыкнул Балалай. – На Горбушке, конечно. Где ж еще?

– А, ну заебись, – кивнул Кир. – Погуляем, а часам к шести должны уже там быть. Ебал я в рот эти очереди, хоть и свои все, считай.

– Тогда на Арбат погнались, – предложил Жаба. – Только бы пожрать где-нибудь перед этим...

– Ты, бля, курицу у жертвовал почти единолично, – возмутилась Ирка, но потом рассмеялась, увидев, что Жаба напрягся. – Забей. Шучу я.

– Мамка говорила, что в Москве естьпельменная охуенная, – подал я голос. – Совковая еще. Со столиками, за которыми стоять надо. Не думаю, что там сильно дорого по деньгам.

– Адрес есть? – спросил Кир. Я кивнул. – Тогда сначала туда, а потом на Арбат. А то Жаба с голоду помрет. Как мы без него угорать-то будем?

Москва встретила нас гулом, бегущими прохожими и холодной погодой. Но мы, разгоряченные бухлом, сильнее закутались в косухи и почти бегом помчались к метро, чтобы с Киевского вокзала доехать до Маяковки, где находилась та самаяпельменная. Правда, на месте нам пришлось немного постоять в очереди, выслушивая до кучи развонявшегося Кира, но когда мы наконец-то заняли один из столиков и нам принеслипельмени с водкой в запотевших стаканах, Солёный неожиданно смилостивился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.